

ИСТОРИЯ В АНЕКДОТАХ

ВСЕМИРНАЯ
ИСТОРИЯ
В АНЕКДОТАХ

ФЕЛИКС КРИВИН

Феликс Давидович Кривин

Всемирная история в анекдотах

Серия «История в анекдотах»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7484925
Всемирная история в анекдотах. / Феликс Кривин.; Бокор; Москва; 2014
ISBN 978-5-4438-0866-6

Аннотация

Феликс Кривин – один из известнейших советских писателей-сатириков.

Книга об истории развития человечества, написанная живым, юмористическим языком поведает о том, как же на самом деле происходили исторические события с древнейших времен до наших дней. Ее прочтение позволит читателям еще раз с улыбкой взглянуть на наше прошлое и настоящее. Именно такая оценка прошлого позволит и в настоящем видеть светлые и радостные стороны нашей жизни. Например, вот что на самом деле произошло при убийстве Цезаря: «Не хотелось бы никого обидеть, но Брут по-латыни означает дурак. Поэтому предсмертное восклицание Цезаря: «И ты, Брут!» – по сути означало: «И ты, дурак!». Или: «Господи, а я-то считал тебя умным человеком!»

А возможно, и с некоторым обобщением: «Ну разве можно быть Цезарем, живя среди таких дураков!»

Содержание

Всемирная история в анекдотах	7
Раздел первый	7
Любовь к питекантропу	8
Самый длинный африканский анекдот	9
Изобретение любви	11
Экономика с человеческим лицом	13
Приручение диких животных	13
Откуда взялась национальность	14
Человек разумный	15
Эпоха великого затемнения	16
Первые изобретения	17
Когда совесть не умела говорить	19
Первобытный коммунизм	20
Когда человек пришел к власти...	21
Условия жизни	21
Реплика обезьяны	22
Две стороны прогресса	22
Первая дверь	22
Ностальгия	22
Раздел второй	23
Легенда о будущем	23
Хеопсовна	24
Кормилица Ромула	26

Город вечных козлов	26
Гарем царицы Семирамиды	28
Глас народа	29
Дипломатический корпус	30
Сибарит из Сибариса	31
Ассирийская любовь	32
Псиллы и насамоны	33
Святилище	34
Похороны Сократа	36
Первый из семи мудрецов	36
Кухарь Кробил	37
Демокрит на приеме у Гиппократ	38
Анекдоты о Диогене	39
Жизнь Демосфена	40
Жена Пигмалиона	42
Советский человек до нашей эры	43
Древний Китай во времени и пространстве	44
Страна бесплатных советов	46
Отечество – только отечественное	47
Александр Македонский в борьбе с привилегиями	48
Память об Александре	49
Гороскоп Аристотеля	50
Белая неблагодарность	50
Трибун, трибуна, трибунал	51
Этимология убийцы	52

Поход на Британию	52
Номенклатура	54
Как разрушили Карфаген	56
Наука ненависти	58
Ювеналов бич	58
Муки древности	59
Заметки на полях древней истории	60
Раздел третий	62
Как вандалы довели гуннов до нашествия	62
Гунны	65
Утечка Возрождения в Средневековье	65
Гробовая гласность	66
Юлиан Отступник	67
Мы от рода русского	68
Добрыня Никитич – первый марксист	69
Отставной князь Абрам	69
Выбор князя Владимира	71
Еще одно слово о полку Игореве	72
Анекдоты о Чингисхане	73
Собирание русских земель в единое татаро-монгольское государство	75
Темные люди	76
Дружба, скрепленная кровью	77
Летопись	77
Цена свободы	78
Французские Карлы	80

Шутки при московском дворе	80
Битва на реке Угре	82
Ягеллончик	83
1492 год	84
К вопросу о еврейском вопросе	84
Родина Колумба	84
Воспитание доброго царя	85
Вечные Средние века	88
Анекдоты про Ивана Грозного	88
1564 год	91
Русская история в творчестве Вильяма Шекспира	91
Лже-Петр, самый первый	94
Посмертное приглашение Данте Алигьери вернуться на родину	95
Заметки на полях средневековья	97
Раздел четвертый	99
Пенсионеры Средневековья	99
Письмо солдата Тридцатилетней войны другу-однополчанину	100
Вопросы Петру Первому	103
Завещание Петра	104
Человек, который придумал русскую историю	105
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Феликс Кривин

Всемирная история в анекдотах

*На базаре времени вечно одно и то же:
споры, ссоры, швыряние шапок о землю. Старики
пытаются прошлое продать подороже. Молодым
не терпится будущее купить подешевле.*

Всемирная история в анекдотах

Раздел первый

Анекдотические

доисторические времена

*Вот интересно: кого бы выбрали обезьяны, если б
выбирали из своей среды человека демократическим
путем?*

Анек Дот, наследник Геро Дота

Любовь к питекантропу

Когда все питекантропы поднялись в своем развитии на более высокую ступень, главный питекантроп остался на прежней ступени. Никто ему не сказал, что нужно подняться выше, а сам он об этом не догадался, поскольку был уверен, что и без того занимает высокое положение. Когда все твердят, что ты самый мудрый, самый эрудированный, поневоле привыкаешь, что с этой стороны у тебя все в порядке: со стороны умственной можно себя не развивать.

И женщины подбавляют восторга:

– Ах, питекантроп! Какой ты! Какой! – И добавляют что-то свое, сугубо женское.

Но все чаще женщины поглядывали на других и видели их преимущество по сравнению с предметом их верноподданной страсти. А мужчины все чаще задумывались: а с какой стати? Они отдают ему лучших женщин, лучшие плоды своего труда, а результата никакого. По-человечески еще никто не живет, да и черт с ней, с человеческой жизнью, если при ней придется вот так вкалывать на дядю, пусть даже на дядю питекантропа. Так мужчины подумали и отправили питекантропа на заслуженный отдых. Хотели отправить на вечный, но не те уже были времена. Выделили ему отдельную пещеру, у входа поставили троглодитов – охранников – то ли его охранять от общества, то ли общество от него охранять. А

вместо него избрали коллективное руководство.

Сидят, соображают, куда дальше двигаться. Один говорит: «Надо строить первобытный коммунизм». Другой говорит: «Надо строить первобытный социализм». Третий говорит: «Надо строить первобытный капитализм». Стали пробовать и то, и другое, но выходит что-то не то.

Первобытный получается – коммунизм не получается. Первобытный получается – социализм не получается. А уж капитализм получается такой первобытный, что его еще питекантропы считали пройденным этапом.

Женщины говорят:

– Лучше было при питекантропе. При нашем любимом питекантропе. Тогда мы хоть одного кормили, а теперь вон какую ораву надо кормить!

Где-то раздобыли портрет питекантропа. Ходят, размахивают портретом, требуют возвращения к единоличной власти.

Коллективные руководители объясняют: обратной дороги нет. Но куда вперед идти – тоже не знают...

Самый длинный африканский анекдот

Австралопитек жил в Африке. Место хорошее, никто не говорит, но австралопитек как-то не чувствовал себя дома. То и дело кто-нибудь да спросит:

– А почему, собственно, вы живете в Африке?

И нечего ответить. Действительно – почему?

Как-то так сложилось, что он родился в Африке. Хотя и австралопитек. Африка его родина, понимаете?

Нет, никто этого не понимает.

И стал австралопитек замечать: не любят в Африке австралопитеков. Почему не любят? А просто так. Просто потому, что они австралопитеки. Дети домой приходят в слезах: с ними не хотят играть, обзывают австралопитеками. Жена пойдет за продуктами и вернется ни с чем: ее опять не пустили без очереди, они пускают только своих, и у нее во всей очереди нет ни одного своего человека.

И все чаще австралопитек стал подумывать: а не уехать ли отсюда куда подальше, на историческую родину? С женой посоветовался, с детьми. И стали они все вместе готовиться к переезду.

Но с переездами в то время было трудно. Из Африки в Австралию по морю не переплывешь, а по суше пешком не дотопаешь.

Собирались, собирались... И так в сборах прошла вся их жизнь. И кончилось тем, чем обычно кончается жизнь: они умерли.

Вот и весь анекдот. Нет, не весь, это очень длинный анекдот. Потому что прошло три миллиона лет – и вдруг австралопитека находят в раскопках.

Тут, конечно, сразу возникает старый вопрос: а почему в Африке? Австралопитек – и в Африке.

Один случайный прохожий говорит:

– Вы же знаете этих австралопитеков. Они всюду пролезут.

Сказал – и прошел. А разговор остался. Несправедливый, обидный разговор.

Потому что австралопитеки никуда не пролезали. Они жили в Африке и умерли в Африке. Здесь прошла вся их жизнь. Прошла, как этот случайный прохожий: пришла и ушла. И что от нее осталось? Ничего не осталось. Только этот длинный африканский анекдот.

Изобретение любви

Как возникла любовь? Неужели она досталась нам от обезьяны?

Но у обезьян любви нет, у них секс. Или похоть: похотел, похотел и перехотел. А любовь не может целиком зависеть от похоти.

Возможно, из всего человеческого первой появилась любовь, а потом уже стала нас вытягивать из животного состояния.

Условия жизни у первых людей были трудные, примерно такие, как при развитом социализме. И даже при развитом коммунизме, потому что у них ведь был первобытный коммунизм. Семья большая, поскольку с первобытной домашней работой ни одна женщина в одиночку не справится. А

если наберется много женщин, тут уже мужчина перестает справляться, и приходится добавлять мужчин. Иногда набиралось до двадцати, до тридцати человек, и все это в тесной пещере, без всяких удобств. Если ночью случится выйти по нужде, то уходишь, как на войну: не знаешь, удастся ли вернуться. В темноте можешь вернуться к другой жене, а то и вовсе в другую пещеру.

Поэтому, возвращаясь среди ночи в пещеру, первобытный человек первым делом принимался ощупывать жену, чтоб убедиться, туда ли он вернулся. Ощупывать жену можно по-разному. Можно делать это грубо, врываясь бесцеремонно в ее сон, словно и здесь справляя нужду, но это было бы не по-человечески. А первобытный человек был уже человек и, чтоб не разбудить жену, ощупывал ее осторожно, легким касанием. Жена сначала только улыбалась во сне, прислушиваясь к нежности, а потом принималась ощупывать мужчину – тоже осторожно, нежно, чтобы не спугнуть.

Так возникла любовь. Она возникла из желания не разбудить и желания не спугнуть, она возникла из двух желаний и двух забот...

А секс – совсем другое дело. Секс – это то, что было раньше и будет когда-нибудь потом, когда не останется ни нежности, ни желания.

Экономика с человеческим лицом

Цивилизация развивалась бы намного быстрее, если бы первобытные люди меньше ели друг друга. Но это, надо прямо сказать, создавало бы определенные экономические трудности.

Когда человек съедает человека, то сразу двое перестают хотеть есть, а если не съедает, то оба остаются голодными. И выходит, что, поедая друг друга, первобытные люди решали продовольственную проблему, поскольку в результате оказывалось вдвое больше продуктов и вдвое меньше едоков.

В цивилизованном обществе человек только морально ест человека, поэтому возникают серьезные проблемы экономики. Правда, едоков иногда становится меньше, поскольку люди плохо переносят даже моральное съедение, но продуктов не прибывает, как стремительно ни убывает мораль.

Приручение диких животных

Дело вроде нехитрое: приручить свинью на мясо, корову на молоко, собаку дом сторожить, кота гоняться за мышами. Но это теперь, когда они все домашние. А каково было вытаскивать их из дикости, не зная, кому какую поручить работу?

Кого, например, сделать сторожем? Хотелось бы кого-то

большого и сильного, может быть, даже с рогами. И человек приручает корову, сажает ее на цепь, и корова всю ночь мычит на цепи, потому что ее пора доить, а ее не доят.

Доят кошку. Это ее приручают на молоко. И кошка визжит, царапается, не хочет доиться. Ее бы приручить на мышей, но на мышей приручают лошадь. А лошадь от такой работы отбрыкивается, все в доме перебила.

Ей бы, лошади, землю пахать, но землю пашет свинья. А свинья вообще не любит физической работы. Только хрюкает и худеет, худеет и хрюкает.

Вот такие работнички. И уж сколько тысячелетий прошло, но до сих пор мы никак не добьемся того, чтобы каждый работал на своем месте.

Откуда взялась национальность

Когда человек произошел от обезьяны, он немного стеснялся своего происхождения. Поэтому он изо всех сил старался как-то отличиться от обезьяны. А как отличиться от обезьяны? Некоторым это довольно трудно, потому что это у них на лице написано.

Стали присматриваться, у кого что написано на лице, и в результате придумали главное отличие: на-лице-ональность. Или просто национальность – для краткости.

Сначала национальность была написана только на лице, а со временем ее стали писать в различных документах. Что-

бы, если человек ничем не отличается от других людей или, скажем, от обезьяны, просто заглянуть к нему в документ и прочитать, что там написано.

Даже на лицо не нужно смотреть. На лице мало ли что может быть написано. На лице иногда такое написано, что даже и выговорить неприлично. А прочитал в документе и сразу успокоился: это наш. Из троглодитов. Из питекантропов. Можно еще и на грудь повесить какой-нибудь знак отличия, чтобы отличить человека от тех же обезьян. Ведь не каждый сам по себе отличается от обезьян. Иным для этого требуется очень много знаков отличия.

Человек разумный

Название

Кто назвал человека разумным?

Обезьяноподобные?

Человекообразные?

Человеком разумным назвал себя сам человек, и не было случая, чтоб разумным его назвали другие.

Сущность

Что такое человек разумный?

Человек разумный – это человек, раз умный – раз нет, раз умный – два нет, раз умный – три нет...

И так далее, по мере развития человечества.

Памятник человеку разумному

Не из каменного ли века дошла до нас эта привычка – стоять на площади, простирая руку в неведомую даль, и указывать другим путь, по которому сам не можешь сделать и шагу?

Эпоха великого затемнения

В просвещенные неандертальские времена многие неандертальцы пытались выбиться в кроманьонцы. Женились на кроманьонках, заводили дружбу с кроманьонцами и, чтоб казаться выше, надевали туфли с высокими каблуками. Кроманьонцы были выше неандертальцев на целую голову, но неандертальцы удлиняли себя со стороны каблуков.

А потом наступила эпоха Великого Затемнения, и быть кроманьонцем стало небезопасно. Появилось множество анкет, в которых самые удачливые с гордостью писали: происхождение – из неандертальцев, социальное положение – неандерталец, образование – неандерталец, знание языков – неандертальский и никаких других.

Стали укорачивать кроманьонцев, чтоб они не возвышались над неандертальцами. Интересно, что, удлиняя себя со стороны каблуков, кроманьонцев укорачивали со стороны головы, что было наиболее радикальным решением данного вопроса.

Кроманьонцы старались держаться неандертальцами. Они ходили, согнув колени и вобрав в плечи голову, в компа-

ниях напивались, как самые последние неандертальцы, употребляли грубые слова и старались казаться глупей, чем были на самом деле, потому что глупость считалась государственным качеством.

Но тут вдруг кончилась эпоха Великого Затемнения, и все стали массово выходить из неандертальцев. И у многих стали отрастать головы. Но это, конечно, не у всех, а лишь у тех, кто в эпоху Затемнения своевременно подобрал голову в плечи.

Первые изобретения

Как изобрели рукопожатие

Рукопожатие первоначально было изобретено не как приветствие, а как своеобразный таможенный досмотр. Пожимая протянутую руку, можно было убедиться, что тот, кто ее протягивает, не держит против тебя в руке камень.

Труднее было с женщинами. Женщины коварней мужчин, поэтому всякий раз приходилось проверять, не держат ли они камня за пазухой.

Как изобрели собственность

Собственность рождалась в муках, как и все, что рождается на земле. Главная мука состояла в том, чтобы отличить свое от чужого. Ведь чужое нередко больше нравится, чем свое. Еда в чужой тарелке, жена в чужой постели. А когда

чужое становится своим, оно почему-то уже не так нравится.

Есть у чужого и другие преимущества. О нем не нужно сушить голову, сторожить его день и ночь. А чужие болезни? Чужие неприятности? Нужно ли доказывать, что они намного лучше, чем свои?

Ну, если чужое такое хорошее, может, лучше, чтоб все было чужое?

Так возникла общественная собственность.

Как изобрели колесо

Колесо очень долго не изобретали. Уже и налог с оборота изобрели, а колесо все не изобретали.

Самые оборотистые, конечно, были недовольны. Да что ж это такое, люди добрые: чем ты больше крутишься, тем больший с тебя взимают налог. А те, которые на месте сидят, вообще ничего не платят.

И тогда они изобрели колесо. Чтоб было с кого взимать налог с оборота. А мы, думают, будем на месте сидеть. Сидеть – и одновременно двигаться, сидеть – и двигаться...

И до чего же хитрый, до чего оборотистый народ!

Как изобрели стыд

В наше время без стыда не вынешь и рыбку из пруда, поскольку пруды доведены до того, что перед рыбой стыдно.

А в чем причина? Причину надо искать в том времени, когда еще только изобрели стыд. Потому что изобрели его

хоть и верно, но в корне неправильно.

Почему-то с самого начала получалось так, что стыд испытывали совсем не те, кому должно было быть стыдно. Если человека побили, стыдно было не тем, кто побил, а тому, кого побили. Если унизили – стыдно было опять же не тем, кто унизил, а тому, кого унизили.

Так оно и тянется с тех далеких пещерных времен. Было бы стыдно тем, кто должен испытывать стыд, у нас бы была другая жизнь и даже, возможно, совсем другая цивилизация.

Когда совесть не умела говорить

В процессе эволюции первобытным людям не терпелось стать пещерными людьми, но пещер на всех не хватало, приходилось дожидаться очереди. А это не у всех получалось. Некоторые дожидаются, дожидаются, а потом плюнут и начинают осуществлять эволюцию революционным путем: присмотрят подходящую пещеру, выставят жильцов и живут как ни в чем не бывало.

День живут, год живут. И вдруг замечают, что у них внутри что-то лишнее. Что-то тяжелое такое и вдобавок шевелится.

Жена говорит:

– Что-то у меня внутри шевелится. Наверно, я беременная.

А муж отвечает:

– И у меня внутри что-то неладно. Наверно, я что-то съел.

Но он ничего не съел, и жена у него не беременная. Это просто в них зашевелилась совесть. Выгнали людей из пещеры, вот совесть в них и шевелится.

В наше время совесть бы в них заговорила. Или не заговорила б. Одно из двух. А в то время совесть еще просто не умела говорить, она только шевелилась, тяжело переворачивалась. Ну, люди и не понимали, что это такое: то ли они переели, то ли беременные. Только чувствовали: что-то внутри тяжело.

Позднее ученые установили, что совесть вообще не имеет веса. Она тяжелая лишь тогда, когда шевелится, переворачивается или, допустим, заговорит. А когда она не шевелится и не говорит, она такая легкая, будто ее вовсе нет. А если совести нет, но внутри все-таки тяжело, тогда можно с уверенностью сказать: либо вы что-то съели, либо беременные.

Первобытный коммунизм

1

Во времена первобытного коммунизма каждый человек на земле был коммунист...

2

На смену первобытному коммунизму пришло рабовладельческое общество. Из бывших коммунистов получились отличные рабовладельцы, а из менее удачливых – неплохие рабы.

3

Коммунизм был детством человечества. Поэтому повториться он мог лишь как впадение в детство.

Когда человек пришел к власти...

Когда человек пришел к власти, обезьяна ушла в оппозицию. Но время от времени она возвращается, и тогда в оппозицию уходит человек.

Условия жизни

Для того, чтобы стать человеком, обезьяне понадобились нечеловеческие условия.

Те же условия годятся и для обратного процесса.

Реплика обезьяны

Иногда опасно уходить от достигнутого – даже вперед.

Две стороны прогресса

Когда обезьяна взяла в руки палку, она еще не знала, что палка имеет два конца.

Первая дверь

Когда человек изобрел дверь, он искал не входа, а выхода.

Ностальгия

А старые обезьяны все еще вспоминают о том, как они жили до эволюции.

Раздел второй

Анекдотическая древняя история

*– Жаль, что Отец Истории рано умер и не смог позаботиться о ее судьбе.
Анек Дот, наследник Геро Дота*

Легенда о будущем

Легенда о потопе – это легенда не о проклятом прошлом, а о светлом будущем, О чем можно мечтать в безводной пустыне? О том, чтоб напиться, умыться, в случае чего даже выкупаться. Но если мечтать по большому счету, то, конечно, нужен потоп.

Люди шли через пустыню – год за годом, десятилетие за десятилетием. Было так жарко, что уже мечтали не о потопе, а о всемирном потопе. Ничего, мечтали, вот наступит всемирный потоп, вот тогда мы заживем: напьемся, умоемся, в случае чего даже выкупаемся. И ковчег построим, чтоб спастись на нем всякой твари по паре. Вот такой у нас будет всемирный потоп.

Но время шло, поколения сменяли друг друга, а потопа все не было. Сначала говорили: нынешнее поколение будет жить при потопе. Потом говорили: следующее поколение бу-

дет жить при потопе. А потопы все не было.

И тогда возникла версия, что он уже был, что все они живут не до потопы, а после потопы.

Вспомнили великого кормчего, который построил ковчег и привел весь народ в светлое послепотопное время. А темные стороны светлого времени объясняли тем, что в ковчеге было всякой твари по паре, и они, эти твари, загубили дело великого кормчего.

Если б не эти твари, мы бы уже давно были там. Мы, собственно, и так уже там, но тогда б мы были немножко не там, а немножко в другом месте.

Помните, как мы говорили в допотопные времена:

– Следующее поколение будет жить после потопы!

Потом мы говорили:

– Следующее поколение будет жить после!

А сегодня мы заявляем:

– Следующее поколение будет жить!

Правда, в этом нет абсолютной уверенности.

Хеопсовна

Однажды за обедом фараон Хеопс заговорил о своих финансовых трудностях. Из-за нехватки средств на строительство пирамида кверху сужается, хотя по проекту сужаться не должна.

– А панель у подножья уже проложили? – спросила дочка,

о которой известно лишь то, что по отчеству она была Хеопсовна, что, впрочем, естественно для дочери Хеопса.

– Панель – это еще не пирамида, – грустно вздохнул Хеопс.

Но дочка считала, что это больше, чем пирамида. Потому что на пирамиду деньги тратятся, а на панели зарабатываются. И главное – товар остается при тебе.

– Что-то я не понимаю, – напрягся Хеопс. – Ведь тогда получается, что один и тот же товар можно продать два раза?

– Да хоть тысячу раз. Если, конечно, товар не потеряет товарного вида.

Хеопс отодвинул тарелку:

– В таком случае все идем на панель.

Очень чистый был человек, морально не испорченный.

– Папа, не горячись, – остановила его Хеопсовна. – Я одна пойду, а вы с мамой пока оставайтесь.

И стала Хеопсовна зарабатывать папе на пирамиду.

Зарабатывала, зарабатывала... Так сильно зарабатывала, что не только товар потерял товарный вид, но и панель потеряла панельный вид, – до того ее исходила Хеопсовна, зарабатывая на пирамиду Хеопса. Недаром эта пирамида – самая большая из всех пирамид.

Историк Геродот утверждает, что третья часть пирамиды Хеопса построена именно на эти заработки.

Хеопсовна хотела заработать еще маме на пирамиду, однако мама сказала, что может сама на себя заработать. Но не

заработала. И бабушка пыталась заработать, но не заработала.

Потому что великий закон панели – кадры решают всё.

Кормилица Ромула

Основателя вечного города выкормила волчица, и это создало ему определенный имидж. Когда женщина выкармливает ребенка, в этом нет ничего особенного, когда волчица выкармливает волчонка, в этом нет ничего особенного. Но когда волчица выкармливает ребенка, это уже имидж. И все вокруг говорят:

– Ромула нашего – слышали? – волчица выкормила. Вот это человек! Настоящий гомо гомини люпус!

А на самом деле Ромула выкормила не волчица, а женщина. Правда, публичная женщина. Продажная женщина. Все дело в том, что по-латыни и волчица, и публичная женщина называются одинаково: лупа.

Но, конечно, у публичной женщины имидж не тот, поэтому принято говорить, что основателя вечного города выкормила волчица.

Город вечных козлов

Не сразу Рим строился. А когда строился, все вопросы решались у Козлиного болота, потому что там было легче ис-

кать козлов отпущения. Без козлов отпущения ни в каком деле не обойтись: ни в строительстве города, ни в строительстве общества, ни в строительстве планов на строительство того и другого.

Первым козлом отпущения был Рем, один из основателей вечного города. Когда все говорили о достижениях в строительстве, он вдруг, ни с того ни с сего, заговорил о недостатках.

Похоронили Рема там же, рядом с недостатками, и продолжали строить, как строили раньше. А когда совсем построили, сразу все увидели недостатки. Собрались у Козлиного болота, открыли охоту на козлов отпущения. Хватились – Ромула нет.

Официально было объявлено, что за особые заслуги Ромул взят на небо живьем, но то, что охота на козлов отпущения началась, наводило на более грустные размышления.

После этого Козлиное болото засыпали, и козлы отпущения разбрелись по земле. Но охота на них не прекращалась, хотя не всегда была столь же результативной, как тогда, у Козлиного болота. Подумать только: всего два основателя – и оба козлы.

Не потому ли стал вечным городом Рим, что он стоит на костях своих основателей?

Все бrenно в этом мире. Все преходяще, в сравнении с вечностью. За исключением, конечно, вечных козлов.

Гарем царицы Семирамиды

В гареме ассирийских царей пахло чем угодно, только не демократией. И жен, и наложниц царь выбирал по своему вкусу, ни с кем не советуясь, и каждый новый царь формировал новый гарем, даже если прежний был еще вполне дееспособным.

Женщинам это не нравилось, и любимая жена царя Шамшиадата, подстрекаемая другими женами и наложницами, обвинила царя в авторитаризме и даже тоталитаризме, учитывая количество наложниц и жен.

– Ты попробуй сесть на мое место, – оправдывался Шамшиадат. – Я же царь, разве я могу по-другому?

– Очень надо пробовать! – сказала Семирамида. – Только сядешь – и сразу вставать.

Но гарем зашумел:

– Попробуй, Семирамида, попробуй!

Шамшиадат не стал бы настаивать, но Семирамида возвышалась в его сердце, как пирамида, и он сказал уступчиво:

– Ну почему же сразу? Ты можешь сидеть хоть целый час.

– Так я и знала, – поморщилась Семирамида, – только сядешь – и через час вставать!

Ее поддержала гаремная общественность. Пирамида в сердце царя вытянулась вверх и подступила к самому горлу.

– Ты можешь сидеть хоть целый день.

Гарем зашумел:

– Ради одного дня и садиться не стоит!

– А сколько вы хотите? Три дня вам достаточно? Я, конечно, не считаю ночей.

От любви он совсем потерял голову. В буквальном смысле. Потому что, едва лишь сев на престол, Семирамида приказала отрубить ему голову.

Демократия торжествовала. Наконец-то гарем будет принадлежать женщине, своему человеку! Планов было много, много было прекрасных замыслов. Но внезапно, в самый разгар демократии, Семирамида распустила гарем.

Тот самый гарем, который возвел ее на престол, который был главной ее опорой в борьбе за демократию.

Глас народа

Еже писах, писах, все позабыв обиды: здесь и на небесах слава царю Давиду! Слава его словам, слава его идеям! Да будет примером нам, рядовым иудеям!

Еже писах – не зря. Слушайте, человеки! Имя Давида – царя проклято будь вовеки! Если писать всерьез, был он большим злодеем. Сколько он бед принес рядовым иудеям!

Еже писах, писах твердо и непреклонно: ныне и присно в веках слава царю Соломону! Пусть он живет сто лет, разумом не скудея, гордость, и честь, и цвет рядовых иудеев.

Еже писах о том, значит, имело место. Был Соломон ско-

том, сволочь он был и деспот. Заняв высокий пост, сколько он зла содеял, сколько он пролил слез рядовых иудеев!

Еже писах, писах искренне, прямо и честно: да будет славен в веках тот, кто займет его место. Будет ли он скотом, будет ли он злодеем, станет известно потом нам, рядовым иудеям.

Дипломатический корпус

У фракийцев наиболее уважаемой была должность посла, которого отправляли к богам с различными поручениями.

Делалось это так: посла брали за руки и за ноги и бросали на острые копыя. Если после этого он еще шевелился, считалось, что он не выполнил поручения, и его с позором изгоняли из дипломатического корпуса. Если же он не подавал признаков жизни, все понимали, что он благополучно прибыл на место, и тело его с почетом предавали земле.

Миссия посла была нелегкой. Между небом и землей отношения были сложные и запутанные, поручений было много, и все это нужно было запомнить, ничего не забыть. Когда, например, будет дождь? Идти на соседей войной или, может, лучше ограничиться мирными взаимоотношениями?

Главная трудность состояла в том, что, когда посол падал на копыя, у него буквально отшибало память, а если не отшибало, то считалось, что он с задачей не справился, и вместо него посылали другого посла.

Желающих было много, профессия посла считалась самой престижной, и каждый родитель говорил о своем ребенке с надеждой и гордостью:

– Он у меня когда вырастет, будет послом. Но, конечно, для этого ему нужно хорошо учиться.

Сибарит из Сибариса

Сибаритянин Сминдерид так и остался неженатым...

Когда он в первый раз поехал свататься, то, чтоб не испытывать в дороге неудобств, взял с собой тысячу кухарей, тысячу рыбаков и тысячу птицеловов.

Какие были птицеловы! Когда они начинали щелкать и свистеть, птицы слетались со всех окрестных небес и выстраивались в очередь к их силкам, норовя в то же время пролезть без очереди. И, конечно, невеста Сминдерида вышла замуж за птицелова, за одного из тысячи птицеловов, а Сминдерид вернулся домой ни с чем,

Во второй раз поехав свататься, Сминдерид, чтоб не вводить невесту в соблазн, взял с собой всего лишь сто птицеловов, сто кухарей и сто рыбаков.

Какие были рыбаки! Когда они забрасывали сети, в них попадала не только рыба, но и солнце, и ветер, и летящие над землей облака. И невеста Сминдерида вышла замуж за рыбака, а Сминдерид вернулся домой несолоно хлебавши.

Поэтому когда Сминдерид в третий раз поехал свататься,

он, рискуя умереть с голоду, взял с собой всего лишь одного рыбака, одного птицелова и одного кухаря.

Что это был за кухарь! Какие он готовил котлеты! Когда вы их ели, желудок ваш наполнялся не только котлетами, но и солнцем, ветром, облаками, плюс гомоном и щебетанием птиц. И, конечно, невеста Сминдерида вышла замуж за кухаря. За простого кухаря!

Потому что все эти люди что-то умели, а Сминдерид умел только свататься.

Ассирийская любовь

Ассирийские девки в девках не засиживались — для этого ассирийцы устраивали специальный брачный аукцион.

Невесты поступали в продажу в порядке убывающей красоты: сначала красавицы, потом красоточки, симпомпончики, пальчики оближешь, потом шли милашечки, душечки, смазливочки, симпатяжки, за ними — так себе, ничего себе, сносно, терпимо, — пока не доходило до черты, за которой начинались некрасивые претендентки. И если до этой черты платили соискатели, то после нее платили соискателям — в виде приданого за невестой. Средства на приданое поступали от выручки за красивых невест.

Некрасивые невесты располагались в порядке возрастающей некрасивости: дурнушки, пигалицы, не на что смотреть, затем — ни кожи ни рожи, мордовороты, уродины, образины,

чучела, страхолюдины и, наконец, страшилища и как смертный грех.

Чем невеста привлекательней, тем за нее больше нужно платить. Чем она страхолюдней, тем большее за ней дается приданое.

Справедливо? Справедливо. Вот так она и выглядит, справедливость: наполовину она красавица, наполовину – как смертный грех.

Псиллы и насамоны

Во времена Геродота жили в северной Африке два соседних племени – псиллы и насамоны. Очень разные были племена.

Насамоны жили тихо, незаметно, ели саранчу с молоком, а на свадьбе жених терпеливо ждал, пока с его невестой переспит вся свадьба по очереди. Надо же как-то развлекать гостей. Как говорится, одной саранчой сыт не будешь.

Главная особенность насамонов состояла в том, что они всегда держали нос по ветру. При встречном ветре они поворачивались на 180 градусов, и любой встречный ветер становился попутным. Насамоны и пословицу себе придумали: «Хочешь жить – умей вертеться». Хорошая пословица. С такой пословицей никакие ветры не страшны.

А псиллы всегда держали нос против ветра. Против встречного, против попутного. Даже когда ветер дул им в па-

руса, они налегали на весла и гребли в обратную сторону. Поэтому носы у псиллов были приплюснутые, а у насамонов длинные, словно тянущиеся за ветром.

В тот год южный ветер высушил поля, и насамоны прославляли засуху, держа нос по южному ветру. Ну и черт с ним, с урожаем! Сколько раз насамоны выходили сухими из воды, а уж выйти сухими без воды для них и вовсе плевое дело.

А псиллы, конечно, перли напролом, они хотели жить, но не хотели вертеться. И они объявили южному ветру войну. Чтобы встретиться с ним в открытой схватке. И пошли против ветра с приплюснутыми носами наперевес.

Встретились в пустыне, среди песков. Псиллы стояли на смерть, но южный ветер применил обычную для пустыни тактику: он просто засыпал их песком и сверху насыпал высокую песчаную гору.

«И после сей гибели страну их заняли насамоны», — свидетельствует Геродот.

Тихие насамоны. Безответные насамоны. Печалась о псиллах, они ели саранчу с молоком и, радуясь за себя, ели то же самое.

Святилище

В бытность свою рабом философ Федон трудился в блудилище — не то зазывалой, не то вышибалой. А в свободное

время он слушал Сократа, который вел беседы на соседней улице.

Сократ обратил внимание на вышибалу с умным, одухотворенным лицом, а познакомившись с ним поближе, предложил:

– Давай-ка, Федон, мы тебя выкупим из рабства. У меня есть влиятельные друзья, они соберут сколько понадобится.

– А как же моя работа, Сократ? Мы тут задумали превратить наше блудилище в святилище нравственности. Мне поручен важный участок работы: зазывать добродетель и вышибать порок. Это будет такое святилище, Сократ, такое святилище!

– Из блудилища? Ты забываешь, что у блудилища сильная экономическая основа, а у святилища такой основы нет. Как же оно будет существовать? На какие средства?

Федон объяснил, что пока они не собираются останавливать производство. Блудилище будет работать, но оно будет работать на святилище.

– Зарабатывать на блюде и тратиться на добродетели?

– Да, да, конечно! У нас будет публичная библиотека, публичный лекторий, где мы будем читать публичные лекции... Одним словом, большой публичный дом культуры.

– Это очень интересно, – сказал Сократ. – Но все же лучше, Федон, давай-ка мы тебя выкупим.

Так они спорили каждый день, и в споре этом постепенно рождалась истина. И когда истина окончательно родилась,

Федон сказал:

– Выкупите меня, Сократ. Нет уже сил ни на блудилище, ни на святилище.

Так Федон стал свободным человеком. А блудилище осталось блудилищем. Ведь для того, чтобы заработать на Святилище, нужно очень много блудить, а когда наблудишь до изнеможения, не хочется уже ничего святого.

Похороны Сократа

Когда Сократа хоронили, он был вниманием согрет:
Слезу на камень уронили, сочувственно вздохнули вслед.
Потом немного погрустили о бренности бегущих лет
И написали на могиле: «У нас незаменимых нет».

Первый из семи мудрецов

Когда у Фалеса, первого из семи мудрецов, спросили, что труднее всего, он ответил, не задумываясь: познать самого себя. А когда у него спросили, что легче всего, он ответил: давать советы.

Идя по легкому пути, потомки великого мудреца создали страну Советов. Но, учитывая возможные трудности, предусмотрели в ней специальный государственный аппарат: органы познания каждого человека в отдельности.

Кухарь Кробил

Посуда бьется к счастью, и, когда греки, бывало, побьют между собой горшки, каждый житель получает по черепку и начинается счастье всеобщего голосования. На черепке писали имя человека, которого следовало изгнать из Афин, или, как они выражались, подвергнуть остракизму.

Каково положение афинского обывателя? Он живет в выдающиеся античные времена, но сам он невыдающийся человек, а если и выдающийся, то прямо в противоположную сторону. И вдруг ему дается возможность. Вручается судьба великих людей.

Дурак, конечно, проголосует против самого умного. Потому что от этих умников нет житья, и если одним умником станет меньше, козыри дураков повысятся.

Посредственность проголосует против таланта, надеясь при его отсутствии сойти за талант. Вор проголосует против честного человека.

Но допустим, человек с черепком не вор, не дурак, не посредственность. Он просто обыватель. К примеру, кухарь Кробил. И он где-то слышал, что каждый кухарь может управлять греческим государством.

Возможно, это сказал справедливый Аристид. Возможно, мудрый Фемистокл. Но кухарь Кробил, конечно, это запомнил. И уж он-то не преминет проголосовать против этих де-

ателей, чтобы их поскорей изгнали, убрали с его пути и он, наконец, уже мог начать управлять государством.

Таков глас народа. Он состоит не только из разумных, трезвых, справедливых голосов, потому что голосует и дурак Полидор, и пьяница Диотим, и кухарь Кробил, которому не нравится работать кухарем.

Так греки изгнали Аристиды и Фемистокла. Так они изгнали великого скульптора Фидия. Так они изгнали самых достойных своих людей, и все потому, что кухарю Кробилу не терпелось управлять государством.

Демокрит на приеме у Гиппократы

Демокрита из Абдеры земляки-абдериты пытались упрятать в сумасшедший дом и обратились за направлением к знаменитому врачу Гиппократу. Но Гиппократ в то время уже дал клятву не использовать психиатрию в политических целях, не производить эксперименты на живых людях и вообще поставить наконец медицину на службу здоровью, отобрав у нее все прочие функции. Поэтому, осмотрев Демокрита, Гиппократ дал заключение: «Практически здоров».

— Как это здоров? — возмутился представитель абдерит-управления. — Он же сумасшедший.

Гиппократ сослался на Гомера, которого тоже считали сумасшедшим, и объяснил, что великие люди нередко сходят с ума, но лишь для того, чтоб подняться на новый, еще более

высокий уровень.

В это время к абдеритуправленцу подошла его дочь.

– Здравствуй, девушка! – приветствовал ее Демокрит.

– Вот видите, – зашептал Гиппократу абдеритуправленец, – они не знакомы, а он здоровается. Разве так поступают нормальные люди?

На следующий день повторили обследование, и опять Гиппократ пришел к заключению: Демокрит практически здоров.

Но тут опять появилась дочь абдеритуправленца.

– Здравствуй, женщина! – приветствовал ее Демокрит.

– Ну, что вы теперь скажете? – торжествовал абдеритуправленец. – Не далее как вчера он говорил «Здравствуй, девушка», а сегодня говорит «Здравствуй, женщина». А ведь прошла всего только ночь... Ночь?... – он внезапно осекся, побледнел и бросился к дочери: – Бесстыжая, где ты провела ночь?

Пока он это выяснял, Гиппократ спрашивал у Демокрита:

– Коллега, я прошу вас открыть секрет: как вы ставите диагноз?

Анекдоты о Диогене

Сумасшедший Сократ

Диогена называли сумасшедшим Сократом, и это должно было льстить его самолюбию. Сойти с ума – нехитрое дело,

тут важно – с какого ума сойти...

Раб и философ

Диоген был нищим, но когда от него сбежал раб, философ ему вслед только посмеялся: «Смешно, если Манет может жить без Диогена, а Диоген не сможет жить без Манета!».

А нам некому вслед посмеяться, потому что мы одновременно и нищие, и рабы. И никто от себя не сбежит – так, чтобы раб сбежал, а философ остался.

Штаны Диогена

По свидетельству Данте, Александр Македонский после смерти оказался в аду. А по свидетельству Рабле, он там чинил штаны Диогена.

Там, в аду, у Диогена появились штаны. Хоть и дырявые, но все же штаны... Плохо только, что из-за них его поместили в ад – поближе к месту новой работы Александра.

Видно, прав был философ: лучше ничего не иметь. Стоило появиться штанам, как начались неприятности.

Жизнь Демосфена

Слабостью Демосфена было то, что у него слова бежали впереди дел, но это же было и его силой и помогло ему стать первоклассным оратором. Это он вдохновил эллинов на битву с македонцами и, увлеченный своим красноречием, ри-

нулся в бой. Но тут же спохватился и ринулся обратно, потому что на щите у него было написано: «В добрый час!» — и он старался избегать недоброго часа.

Война кончилась, но добрый час еще долго не наступал. Страну одолевала коррупция, и у Демосфена опять слова побежали впереди дел. Он публично призвал организовать расследование, строжайше наказать преступников, — а когда расследование было проведено, главным коррупционером оказался он сам. Такая вот неприятность.

Сев в тюрьму, Демосфен сразу взялся за работу. Он готовил слово к тюремщикам, призывая их принять активное участие в его побеге. Сила слова его была такова, что тюремщики сами сели в тюрьму, а его выпустили на свободу.

Демосфен бежал. Он очень быстро бежал, но в дороге его все же догнали, и ему пришлось употребить все свое красноречие, чтобы его преследователи стали его сообщниками и, тепло с ним простясь, пожелали ему счастливого бегства.

Он удалился в изгнание и оттуда наблюдал за событиями в родных местах, благо изгнание было рядом. Из изгнания он обращался к землякам, воспламеняя их на дела, о которых сам не имел понятия. Он так хорошо это делал, что его с почетом вернули на родину, заплатили за него крупный штраф, от которого он скрывался в своем изгнании, и назначили на такую должность, что он мог бы сделать очень много, если бы у него слова не бежали впереди дел.

Потом опять была война, и напутствие «В добрый час!»

отвернуло Демосфена от этого недоброго часа. Он уже не ждал ничего доброго ниоткуда и просто бежал – и впереди дел, и впереди слов, а под конец и впереди самой жизни. В укромном месте, чувствуя себя в безопасности, он принял яд и побегал впереди жизни, а жизнь за ним бежала и кричала: «Куда же ты, Демосфен?». Она кричала: «Вернись, Демосфен!» – но он так далеко убежал, что не было ни сил, ни желания возвращаться.

Жена Пигмалиона

Жена Пигмалиона была худышка и коротышка, невыразительная в тех местах, где женщине положено быть выразительной. Из всего, что может у женщины выступать, у нее выступали только лопатки и ключицы.

Но Пигмалион гордо смотрел на дело своих рук. Он сказал, что никогда не добивался такого блестящего результата.

– А где ее... бюст? – спросил один из гостей.

Пигмалион подмигнул и показал на стенку.

– А эти... бедра... так, кажется, они называются?

Пигмалион подмигнул и показал на стенку.

Он так подмигивал, что гости тоже стали перемигиваться: видать, Пигмалион вылепил кого-то на стороне. И даже не на одной стороне, учитывая убогие формы его супруги.

– Мы с мужем хотим сделать выставку. Мы еще ни разу не выставлялись, все даже удивляются, – улыбнулась жена, но

улыбка получилась жалкая, вымученная. А как еще женщина должна улыбаться, если муж лепит кого-то на стороне?

Пигмалион продолжал подмигивать и показывать на стенку. Гости посмотрели на стенку. Она была вся увешана грамотами.

За экономию на бедрах. За экономию на бюсте. За экономию на лебединой шее и жемчужных зубах...

И над всем этим – такие знакомые, такие выстраданные слова: «Экономика должна быть экономной».

Советский человек до нашей эры

Один советский человек жил в третьем веке до нашей эры. Звали его Люй Бу-вэй, и жил он в Китае, где вся власть принадлежала не советам, а императорам, то есть, по сути, в нем не было никакой советской власти. А как жить советскому человеку без советской власти? Ведь советский человек больше всего уважает власть.

Жил бы Люй Бу-вэй в советской стране, он был бы большим советским человеком. Но он жил в стране, где вся жизнь человека укладывалась в формулу: «товар – деньги – товар». Или, при недостатке товара, в формулу: «деньги – товар – деньги».

Нам эти формулы знакомы. Мы выросли в стране, где обычный капитал заменен «Капиталом» в кавычках. И мы всегда испытывали трудности с товаром. С деньгами тоже,

но с товаром в еще большей степени.

Люй Бу-вэй, как советский человек, тоже испытывал трудности с товаром. И он придумал новую формулу. Нашу формулу. «Деньги – власть – деньги» и «власть – деньги – власть». Потому что власть тоже дает деньги. Иногда очень большие деньги. Значительно большие, чем товар.

Все свои деньги Люй Бу-вэй вложил в одного малыша, которого решил сделать императором. И сделал его императором. То есть вложил свои деньги во власть. И впоследствии получил от них очень большую прибыль.

И это было по-советски. Потому что формула «деньги – товар – деньги» в советской стране существует только для чтения, а для обогащения существует формула «деньги – власть – деньги», а особенно «власть – деньги – власть».

Потому что власти в этой стране много, а денег мало, сколько бы их ни печатали.

Древний Китай во времени и пространстве

Император Цинь Ши-хуанди захватил много территорий, а потом, чтобы сохранить их за собой в вечном пользовании, взял да и отгрохал Великую Китайскую стену. Была у него еще мысль отгородиться от внешних влияний, потому что население постоянно сравнивает свою жизнь с тем, как живут за рубежом. Некоторые даже норовят улизнуть за рубеж,

вот тут-то стена первое дело. Хорош еще железный занавес, но в то время железный век только начинался, с железом было плохо, так что пришлось ограничиться Китайской стеной.

Отгородившись в пространстве, Цинь Ши-хуанди стал думать над тем, как бы отгородиться еще и во времени. Ведь у китайцев большая история, и о ней написано довольно подробно. А если начать сравнивать, как было раньше, с тем, как стало сейчас, можно тоже прийти к нежелательным выводам.

И Ши-хуанди повелел сжечь все, что было написано до него, а уже с него начинать китайскую историю.

Китайцев это смутило. Они не хотели отдавать свою историю. Территорию еще ладно, хотя и ее не хочется отдавать, но отдавать историю – это уже самое последнее дело. Настоящие патриоты не отдают ни территории своей, ни истории.

Когда сжигали книги, четыреста шестьдесят мандаринов бросились в огонь, чтобы разделить судьбу своей истории. Горели все вместе, вспоминая более благоприятные времена, когда можно было книги читать, а не гореть с ними в общем пламени.

Но и после императора Ши-хуанди китайскую историю не оставляли в покое. Сначала любители чтения прыгали за книгами в огонь, а потом стали прыгать все меньше и все больше носить дрова, чтоб китайская история лучше горела. Вот тогда и придумали крылатое выражение: рукописи не горят. Если они не горят, то с какой стати будем гореть мы,

сами подумайте.

Так сказали друг другу китайцы. И успокоились. И отныне стали гореть только на работе.

Страна бесплатных советов

Древние ассирийцы гордились тем, что у них бесплатная медицина. Медицина действительно была бесплатная: не было ни врачей, ни больниц, больных просто выносили на площадь, и прохожие им советовали, как избавиться от болезни. Все, что знали и о чем не имели понятия. Кто во что горазд.

Не все советы помогали, некоторые усугубляли болезнь, и смертность от болезней с лихвой перекрывалась смертностью от бесплатного лечения. Но отличить одно от другого было невозможно, поэтому бесплатная медицина процветала.

Потом и некоторые здоровые люди под видом больных стали разузнавать, как лечатся те или иные болезни, и постепенно накапливали медицинские знания на все случаи жизни. Так в Ассирии появилось бесплатное образование – тоже предмет гордости древних ассирийцев.

И хотя смертность не уменьшалась, а образование не увеличивалось, зато каждый имел право дать и получить бесплатный совет, как стать здоровым, умным и счастливым.

Отечество – только отечественное

Скифы были кочевой народ, но они больше всего любили свое отечество. Сюда прикочуют – здесь любят отечество, туда прикочуют – там любят отечество. Причем отечество они любили только свое и терпеть не могли отечества чужого.

Они вообще не любили ничего чужого и гордились тем, что не владеют ни одним иностранным языком. Они и своим языком владели с трудом и пользовались им только в случае крайней необходимости.

Когда персы напали на скифов, им могло бы не поздоровиться, потому что скифы относились к ним как к иностранцам. Но персам поздоровилось, и главными лекарями в этой битве оказались ослы.

Дело в том, что скифы никогда не видели ослов. И, главное, не слышали ослов. Они настолько отгораживались от всего иностранного, что не приобрели себе даже ослов, а свои ослы у них не водились. И когда персидские ослы заревели, скифские лошади так шарахнулись от этого рева, что скифы, как ни старались, не могли повернуть их назад на врага.

В общем, скифские лошади оказались не на высоте. И сами скифы оказались не на высоте. И все их отечество оказалось не на высоте.

Потому что не может отечество быть на высоте, если это

Отечество — только отечественное.

Александр Македонский в борьбе с привилегиями

1

Отправляясь в поход на персов, Александр роздал все, что имел, а себе, по собственному признанию, оставил только надежду.

Так почему же наши правители поступают наоборот? Они все забирают себе, а нам оставляют только надежду.

2

В безводной пустыне, когда армия погибала от жажды, Александру поднесли полный шлем воды.

Но царь отказался. Царь сказал:

— Если я один буду пить, мои воины падут духом.

Так Александр открыл секрет, что должен делать правитель, чтоб народ его не пал духом в трудные времена.

Но в наше время это опять засекречено.

Однажды Александр признался, что если б он не был Александром, то хотел бы быть Диогеном. То есть вовсе ничего не иметь.

Он старался ничего не иметь. Но эта привилегия не для царей, у царей другие привилегии.

Память об Александре

Когда Александр Македонский освободил евреев от персидского владычества, он установил у них мягкий, почти не оккупационный режим, еще более мягкий, чем был при персах.

Евреи были ему благодарны и называли Александрями всех мальчиков, которые в тот год родились.

Через двадцать лет, когда мальчики выросли, все двадцатилетние мужчины в Иудее были Александрями, так что их невозможно было отличить друг от друга. Поэтому они стали называть друг друга по отчеству, то есть с бóльшим уважением, чем называли прежде.

А еще через двадцать лет все евреи в Иудее стали Александровичами, поэтому в отчествах отпала необходимость, и они снова стали называть друг друга по именам.

Уважения стало меньше, но прибавилось сердечной бли-

зости, и все евреи стали как одна семья.

Впоследствии это чувствовалось при каждом оккупационном режиме.

Гороскоп Аристотеля

Прожив не так уж много лет, он много в жизни потрудился. В год Обезьяны он родился, в год Лошади покинул свет.

И этот путь, такой знакомый, конечно, каменист и крут, но подтверждает аксиому, что человека создал труд.

Белая неблагодарность

Когда Сулла взял осажденный Рим, раб Сульпиция Руфа выдал ему своего господина. Сулла поблагодарил раба и приказал сбросить его со скалы.

Когда Цинна брал Рим, он переманил на свою сторону рабов осажденного города, пообещав им за помощь свободу.

Но ночью люди Цинны перебили союзников-рабов.

Когда Цезарю угодливые убийцы принесли голову его врага Помпея, Цезарь прослезился, приказал умертвить убийц, а Помпею воздвигнуть памятник.

Покарать союзника за помощь — это можно считать черной неблагодарностью. Но она не черная, далеко не черная. Это неблагодарность на службе у справедливости, неблагодарность, которая торжествует, чтоб справедливость могла

торжествовать.

Трибун, трибуна, трибунал

Марк Катон Младший был профессиональный оратор, и он любил свою профессию. То есть любил поговорить.

Когда этот народный трибун забирался на трибуну, то согнать его оттуда не было никакой возможности.

Но Цезарь и сам любил поговорить, поэтому он не мог допустить, чтобы Катон так долго занимал трибуну. И однажды, когда все средства остановить Катона были исчерпаны, Цезарь приказал арестовать оратора и прямо с трибуны отправить в тюрьму.

Со временем это стало традицией – отправлять за решетку тех, кто слишком много разговаривает.

Не всякий один – в поле воин

Цезарь опасался, что одна жена не справится с задачей родить ему наследника. Поэтому он разработал специальный законопроект, позволявший ему не ограничивать себя в количестве женщин.

Наш Суворов ему бы сказал: воюют не числом, а умением. Поле деятельности было не ограничено, но наследника родить не удалось, и престол достался внучатому племяннику Цезаря.

Этимология убийцы

Не хотелось бы никого обидеть, но Брут по-латыни означает дурак. Поэтому предсмертное восклицание Цезаря: «И ты, Брут!» – по сути означало: «И ты, дурак!». Или: «Господи, а я-то считал тебя умным человеком!».

А возможно, и с некоторым обобщением: «Ну разве можно быть Цезарем, живя среди таких дураков!».

Поход на Британию

Британия в то время была совсем не та, что сейчас. Вместо Лондона был Лондиний, а железную леди Британии звали почему-то Картимандуя. Немудрено, что римский император Калигула решил отправиться в поход на Британию. Тем более что какой-то гостеприимный британец пригласил в свою страну иностранную армию.

Выступили в поход целым кораблем, снаряженным всем, что необходимо в походе. Набрали побольше одеял, имея в виду не северный климат, а другие, стратегические соображения. И из этих соображений император возлежал на одеялах, а не под одеялами.

Его предшественник Тиберий предпочитал забираться под одеяло, и в этом тоже был немалый стратегический смысл. Тиберий всех во всем подозревал, и все у него были

доносчиками. Доносчики доносили на доносчиков, и Тиберий забирался под одеяло, чтоб незаметно наблюдать: правильно ли осуществляются доносы. Но однажды, когда он заболел и лежал по обыкновению под одеялом, римляне подумали, что он умер, и провозгласили нового императора. А Тиберий вдруг вскочил и побежал. И тогда Калигула, которого уже провозгласили императором, задушил Тиберия его же собственным одеялом, превратив одеяло из средства наблюдения в средство нападения.

Вот почему, выступив в поход на Британию, Калигула возлежал на одеялах.

Между тем корабль, отчалив от берега, взял курс в открытое море. И по мере приближения к открытому морю в душу императора закрадывалось сомнение: а правильно ли он поступил, решив взять Британию с моря? Может, лучше ее брать с суши? Тем более ветер поднимается, корабль начинает качать, и все это может для них плохо кончиться.

Он приказал лечь в дрейф, чтобы спокойно полежать и посоветоваться с военным советом. Держать курс на Британию или не держать? Может, ну ее к черту, эту железную леди Картимандую?

Пока советовались, всех стала одолевать тоска по родине. Тоска по родине – самая сильная тоска, особенно если родина – вот она, рукой подать, а ты почему-то болтаешься среди моря.

И тогда они решили: авось Картимандуя на них не оби-

дится, а победу можно и здесь одержать, во всяком случае, хорошо отпраздновать. И даже с большим энтузиазмом, поскольку запасы энтузиазма не будут растрчены на поход.

Налегли на весла, взяли курс к берегу. Тут уже дело пошло веселей, поскольку возвращаться из похода всегда веселей, чем тащиться куда-то на конец света.

Римляне, наблюдавшие за походом издалека, высыпали на берег встречать победителей. Какой-то младенец на руках у мамы делал императору ручкой и говорил: «Дай, дай!».

Праздник вылился в настоящий триумф. В этот день император провозгласил себя Нептуном, богом всех морей от Рима до Британии, и восседал с трезубцем в руке, слушая благодарственные речи и тосты. В стороне сидел вдрызг упившийся дядя императора Клавдий, а жена его, тетушка Мессалина, что-то шептала ему на ухо, обещая быть верной в его борьбе за высокое звание императора. Клавдий покорно кивал, механически сбрасывая с ее коленей то одну, то другую руку посторонних мужчин, и бормотал, что, когда он станет императором, уж он покажет этим британцам!

А ребенок все тянул ручку и все говорил: «Дай, дай!».

Ребенка звали Нерон, и он просил, чтоб ему дали империю.

Номенклатура

Высших римских чиновников избирал народ, поэтому им

небезразлична была любовь народа. Но народ любит тех, кто знает его в лицо и даже при случае может назвать по имени.

А лиц у народа, а имен! Ни один государственный деятель их не запомнит.

Приходилось кандидатам на высокие должности прибегать к помощи рабов, которые лучше знали народ и могли подсказать, как он выглядит и как называется. Эти рабы назывались номенклаторами, то есть назывателями имен. Кандидаты расхаживали по городу в сопровождении номенклаторов, и номенклатор заранее предупреждал кандидата:

– Вот идет Ваня.

Тут кандидат широко распахивал объятия и кричал:

– Ваня! Дорогой Ваня! Наконец-то мы встретились! – Он прижимал незнакомого Ваню к груди, любовно похлопывал по спине и говорил сладким голосом: – А я уже думаю: куда это мой Ваня запропастился? Кстати, приходи на выборы, там будут голосовать за меня.

И счастливый Ваня отвечал, что, конечно, он непременно придет и отдаст свой голос за друга-кандидата.

А кандидат уже шел дальше, и всеведущий раб ему говорил:

– Вот идет Вася.

– О, Вася! – кричал кандидат и устремлялся к Васе с той же сердечностью.

В Древнем Риме обязанности рабов-номенклаторов этим и ограничивались, но со временем их осведомленность стали

использовать для постоянной связи между правительством и народом.

Так появилась номенклатура, которая, сохранив свою рабскую природу, приобрела такую власть, что перед ней бессильны и правительство, и народ, а всемогуща она одна – номенклатура.

Как разрушили Карфаген

Слова Катона Старшего о том, что Карфаген должен быть разрушен, нашли поддержку и в самом Карфагене, где партия рабов всегда придерживалась политики поражения собственного правительства. И в ответ на слова Катона она выдвинула встречный лозунг: Карфаген должен быть разрушен, а на его месте должен быть построен Коринф.

Почему Коринф? Ведь Коринф находится в Греции.

Дело не в Греции. Причем здесь Греция? В Коринфе совсем другая жизнь, там все рабы давно уже стали рабовладельцами. И все рабы этих рабов стали рабовладельцами. Во всем Коринфе не осталось ни одного раба, и все его жители – сплошные рабовладельцы. Такие были слухи среди карфагенских рабов, которые, как все рабы, мечтали только об одном: стать рабовладельцами.

Представительницы женского движения были с этим не согласны. Карфаген, конечно, должен быть разрушен, но зачем на этом месте строить Коринф? Женщины боролись за

эмансипацию, за уравнивание рабынь в правах с рабами, поэтому на месте Карфагена они предлагали построить остров Корфу. Потому что на острове Корфу по тамошним рыночным ценам одна женщина стоит четверых мужчин. Это ж какая победа в борьбе за эмансипацию!

Между прочим, остров Корфу тоже находится в Греции. Далась им эта Греция! Но дело даже не в этом, а в том, что Корфу – остров, а как можно построить остров на материке? Ведь остров должен быть со всех сторон окружен водой, а откуда взять столько воды? И как это практически сделать?

Женская логика. Между прочим, логика у женщин – главный приоритет. Нет женской физики, нет женской математики, есть только женская логика, и она заключается в том, чтобы построить на материке остров Корфу.

Тем не менее общими усилиями Карфаген был разрушен до основания, а затем на его развалинах одни стали строить город Коринф, а другие, естественно, остров Корфу. Они строили такое место, где совершенно не будет рабов и по рыночным ценам за одну женщину будут давать четверых мужчин, вот такая там будет всеобщая эмансипация.

Но развалины были старые, и ничего нового из этого старого построить не удавалось. Каждый камешек, каждый кирпичик хранил память о старом городе Карфагене, и когда они начинали между собой складываться, у них получался старый город Карфаген.

Однако в пылу великой стройки никто этого не замечал.

Каждый строитель-раб уже видел себя рабовладельцем, а женщины радовались: скоро их поведут продавать, и тогда они покажут этим мужчинам, чего стоит женщина!

Наука ненависти

Римские императоры не боялись ненависти своего народа.

– Пусть ненавидят, лишь бы повиновались, – говорил император Тиберий.

– Пусть ненавидят, лишь бы боялись, – вторил ему император Калигула.

Но на всякий случай оба держали наготове флот, чтобы в случае чего сбежать от взрыва народной ненависти.

А вот к небесному гневу они относились по-разному. Заслышав раскаты грома, Калигула обматывал голову полотенцем и залезал под кровать, а Тиберий надевал на голову лавровый венок, чтобы небо видело, с кем оно имеет дело.

Ювеналов бич

Пока жив был император Домициан, сатирик Ювенал не написал о нем ни одного сатирического произведения. Зато после смерти Домициана уже не мог сдержаться и так его расписал, что стал великим сатириком.

Ему даже Пушкин завидовал, прося у музы пламенной сатиры вручить ему Ювеналов бич.

А не умер бы император Домициан? Где был бы Ювенал со своим бичом, на каких задворках исторической памяти?

Но Домициан не мог не умереть: об этом позаботилась его жена Домиция, большая любительница сатирической литературы.

Муки древности

На исходе старой эры стало холодать. Ну такая атмосфера – хуже не видать. Просто жуткие примеры, верится с трудом: накануне новой эры – и такой содом!

Сколько раз твердили Цезарь, Александр и Кир, что буквально до зарезу миру нужен мир. Но все так же приходили сообщения с мест, что, мол, нету мира в мире, есть один зарез.

Митридат за Митридатом – всех не сосчитать. Древний Рим, великий ратай, собирает рать. И, прошедший в ратных спорах древний Крым и Рим, Карфаген, великий город, ждет своих руин.

А которые поплоше, те исподтишка Ганнибала, как галошу, пишут через «к», наблюдая с интересом, кто кого там съест...

Нет того, что до зарезу, есть один зарез.

Но при этом каждый верит где-то в глубине: доживем до нашей эры – и конец войне! Мы очистим атмосферу, кончим вечный бой. Митридатов в нашу эру не возьмем с собой.

А покуда мы невольню угождаем злу и панические войны пишем через «у». Друг на друга грудью лезет римлянин и перс...

Нет того, что до зарезу, есть один зарез.

Заметки на полях древней истории

*** * ***

Каждый поднявшийся на Олимп видит у ног своих вершину Парнаса.

*** * ***

Вавилоняне раскапывали культуру шумеров, при этом закапывая свою.

*** * ***

Сократ где-то некстати обронил, что знает лишь то, что ничего не знает. С тех пор каждый неуч и глупец воображает себя чуть ли не Сократом.

* * *

Когда Калигула ввел в сенат своего коня, все лошади Рима воспрянули духом.

* * *

«Лучшее – это мера», – сказал философ.

«Высшая мера», – уточнил политик.

* * *

И до конца своих дней Гомер слепо верил в прозрение своих современников...

* * *

Много побед одержал великий Пирр, но в историю вошла лишь одна пиррова победа.

Раздел третий

Анекдотические Средние века

А может, татарское иго это было не так уж плохо? Тогда мы по крайней мере знали, в какую обращаться инстанцию.

Анек Дот, наследник Геро Дота

Как вандалы довели гуннов до нашествия

Гунны жили в Азии. Ничего не скажешь, культурная страна. Но, конечно, не по сравнению с Африкой.

Послали гунны в Африку своего человека. Посмотреть как там и что. Возможно, перенять какие-нибудь культурные традиции.

Ходит гунн по Африке, знакомится с культурой. Африку как раз незадолго перед тем посетили вандалы, остались в ней жить, добавили еще и своей культуры. Очень культурная получилась страна.

Познакомился гунн с одним вандалом, стал к нему в гости ходить. Сидят, разговаривают. Вандал говорит:

– Африка – это, конечно, Африка, но Европа – это Европа. Между прочим, Европа – моя историческая родина. А где

твоя историческая родина?

Пришлось гунну признаться, что у него нет исторической родины. Обыкновенная есть, а исторической нет.

– Так не бывает, – говорит вандал. – У каждого человека две родины: обыкновенная и историческая. Когда на одной прижмут, уезжаешь на другую. На другой станет тошно – вернешься на первую. Вот я как раз сейчас собираюсь в Европу, на историческую родину. Если хочешь, поехали вместе.

А почему бы и не поехать? Сели, поехали.

Первой европейской страной оказалась Греция. Тоже культурная страна. Но тут как получилось? Кто-то среди белла дня зарезал быка, и греки искали того, кто зарезал, чтобы судить его по своему европейскому обычаю.

– Культурная традиция, – объяснил вандал. – Смотри и набирайся впечатлений.

И тут нашли преступника. Им оказался нож. Положили его на скамью подсудимых, начали судебный процесс.

– Ничего себе традиция! – говорит гунн вандалу. – Выгораживают преступника, наверняка, он сунул кому-то в лапу!

Как приговор зачитали, гунн не выдержал, схватился за нож, перевернул скамью подсудимых.

– Я, – говорит, – вам покажу культурные традиции!

– Ты чего шумишь на чужой исторической родине! – прикрикнул на него вандал. – Езжай на свою, там и шуми, своей не имеешь, так сиди тихо.

– Это я не имею родины? – гунн хотел опять схватиться за нож, но его уже куда-то упрятали. Согласно приговору. – У меня великая родина. Самая великая в мире. Против моей родины ни одна историческая родина не устоит!

Конечно, Азия – самая большая земля. Но хвалиться этим – признак отсутствия культуры.

Греки между тем расположились вокруг зарезанного, теперь уже и зажаренного быка и пируют в честь торжества правосудия. Тем же ножом режут того же быка, соединяя таким образом жертву с преступником.

Увидев такое дело, гунн уже и вовсе не выдержал. Выгнали его из Греции и вообще из Европы.

В общем, вернулся он к себе домой. А куда ему податься? У него родина одна, не то, что у некоторых.

Рассказал про Африку, про Европу. Какая у них там жизнь, какие культурные традиции. Пока рассказывал, сам увлекся, стал тосковать по чужой исторической родине. Какая там культура! Взять простого быка: ведь и его можно зарезать культурно, с соблюдением традиции...

Так увлек своих гуннов, что они оседлали коней и двинули на Европу, в свое знаменитое нашествие. А вандалы, узнав про это, тоже оседлали коней и помчались спасать свою историческую родину. И двигались вандалы по своей исторической родине, считая все, что гунны недосмели. Рим смели, другие культурные центры.

Европа еще как-то выдержала нашествие, но освобожде-

ния от нашествия выдержать уже не смогла, и на много, много веков в ней воцарилось средневековье.

Гунны

Гунны, первые великие переселенцы, домов не строили, они боялись домов, как могил, предпочитая всю жизнь проводить на лошади.

Проголодался – соскочил с лошади, полоснул ее ножом по ноге, напился крови – и дальше поскакал.

У них вся жизнь была на полном скаку. Они и трудились на полном скаку, и женились на полном скаку, и даже спали на полном скаку...

Вот откуда, вероятно, пошло выражение: солдат спит, служба идет.

Утечка Возрождения в Средневековье

В середине шестого века в Византийской империи стала замечаться утечка мозгов. Утекали мозги на восток, в тамошнее средневековье, на глазах у всех превращая его в Возрождение, тогда как византийское Возрождение все больше превращалось в средневековье.

Законодатель Трибониан до поздней ночи просиживал над законами, пытаясь остановить утечку мозгов. Но законы были хорошие: все, что должно быть запрещено, было запре-

щено, все, что не должно быть разрешено, не было разрешено. Чего же еще? Но мозги все равно утекали.

Прямо с работы законодатель являлся к любимой, но незаконной женщине Феодоре (даже законодатели предпочитают незаконных жен) и делился с ней своими печальями. Феодора смотрела ему в рот – сначала когда он кушал, потом когда разговаривал, – а под конец говорила:

– Напридумывали законов, по которым невозможно жить, а потом удивляются, что люди утекают вместе с мозгами.

События развивались с катастрофической скоростью. Византия все больше впадала в средневековье, хотя расширила свою территорию и мозгам в ней было где развернуться.

Но они предпочитали бежать через всю территорию на восток, где царь Хосров Справедливый на своей средневековой почве заботливо выращивал их византийское возрождение.

И законодатель не выдержал. Как-то темной ночью он прокрался к любимой женщине и сказал:

– Собирай вещи, Феодора. Пора уносить мозги.

Гробовая гласность

В Китае, бывало, чтобы правдивое слово сказать, к императору являлись целой делегацией. Глава делегации толкал перед собой гроб – в том смысле, что он готов лечь костями, но отстоять истину.

Приходилось императору уступать: не укладывать же в

гроб совершенно живого человека.

Учитывая, что гроб стал орудием гласности, власти повысили налог на лес, на металл, на плотницкие и кузнечные работы.

Кинешься за гробом – досок нет, гвоздей нет. И опять воцаряется гробовое молчание.

До того дошло дело, что человека невозможно похоронить. Как появится похоронная процессия, народ набегает со всех сторон и начинает под чужой гроб говорить о своих проблемах.

Родственники плачут: никак не могут своего покойника до кладбища донести.

Одному покойнику хорошо: он пока здесь лежит, такого наслушается, что потом ему вечное молчание будет как вечное блаженство.

Юлиан Отступник

Отступник – это хорошо или плохо? Тут важно учесть, от чего человек отступает. Отступает от хорошего – плохо, от плохого отступает – хорошо.

Одни ругали Юлиана, другие хвалили Юлиана – за то, что он от христианства вернулся к язычеству. И называли его Отступник. По-ихнему – Апостат.

Нечто среднее между апостолом и супостатом.

Родина Русь

Рюрик, Синеус и Трувор, три брата из варяжского племени русов, или, как их еще называли, родов, пришли в страну, которую отныне стали называть Русью, а также Родиной.

Мы от роду русского

В своем известном послании грекам люди князя Олега писали:

«Мы от роду русского Карл Ингелот, Фарлов, Веремид Рулав, Гуды, Руальд, Карн, Флелав, Рюар, Актутруян, Лидулфост, Стемид... к вам, Льву, Александру и Константину...»

Так они писали в IX веке.

А потом все переменялось, и от роду русского кто только уже не писал! И грек Василий, и еврей Гаврила, и даже египтянин отец Онуфрий всё от того же роду русского послания и заявления шлет.

Теперь как соберутся русские люди Флелав и Лидулфост, позовут третьим Актутруяна, и пойдут у них разговоры на троих:

– Совсем запакостили русский род! Какой-то, извините, Иван – и он, понимаешь, выступает от роду русского. Правильно говорит Рюар: если эти Иваны заполонят всю страну, куда тогда русскому человеку податься?

Добрыня Никитич – первый марксист

Наш соотечественник Добрыня Никитич почти за тысячу лет до Маркса высказал гениальную мысль о пролетариях, которым нечего терять. Он советовал князю Владимиру, собирая дань, делать ставку на лапотников, а не на тех, которые в сапогах.

Потому что лапотникам нечего терять. Приобретут же они весь мир, когда их пустят по миру.

Отставной князь Абрам

Дело давнее, девятый век, но оно не утратило своей занимательности.

Проводив в последний путь князя Попеля, поляки стали думать, кого бы избрать на его место. Долго думали, долго спорили, но ни к какому решению не пришли. И тогда договорились так: выборы назначить на завтра и выбрать князем того, кто первым придет на выборы.

И так случилось, что первым пришел на выборы еврей Абрам Порховник. И не потому, что ему хотелось стать польским князем: быть польским князем – дело, вообще-то говоря, не еврейское. Просто Абрам Порховник привык рано вставать, потому что, если рано не вставать, ничего сделать не успеешь.

Казалось бы, польской общественности не трудно справиться с одним евреем. Ну, прибежал первым. Как прибежал, так и убежит. Может, даже еще быстрее убежит. Но это были не наши времена, когда еврей никуда не успеет добежать так, чтоб его не опередила его анкета. Поляки улыбнулись и сказали:

– Ну что ж.

И поздравили с избранием князя Абрама.

Абрам Порховник был рад своей победе на выборах, он даже набросал в уме план, как будет управлять польским государством. Хотя, конечно, лучше бы ему управлять каким-нибудь другим государством, более подходящим такому человеку, как он. И Абрам Порховник сказал своим избирателям:

– Братья поляки! Я, конечно, благодарен за честь, я готов и дальше рано вставать и успевать всюду, куда вы скажете. Но на всякий случай, мало ли что, чтобы не было никакой неловкости во время погромов...

– Какие погромы? Князь! – оскорбились избиратели.

– Ну, хорошо, – сказал князь Абрам Порховник. – Насчет погромов извините. Но, допустим, у нас в стране будет что-то не так... Какие-то непорядки, временные трудности... И кто тогда будет виноват? Тут уже, извините, никто не посмотрит, что еврей – князь, а посмотрят, что князь – еврей...

Поляки зашумели, но ничего внятного не ответили.

– Поэтому я, как законно избранный князь, предлагаю на

свое место чистокровного пана Пяста.

Поляки вздохнули грустно, но с облегчением.

– А я буду рядом, – пообещал Порховник, – и если у князя возникнут какие трудности, пусть он только кликнет, и я уже буду тут.

Так началась династия Пястов. Она длилась четыреста лет, были у нее тяжелые времена, но что интересно: за все эти времена никто никогда не кликнул Абрама Порховника.

Выбор князя Владимира

Как свидетельствует летописец, перед тем, как принять христианство, Киевский князь Владимир какое-то время размышлял, не лучше ли остановить свой выбор на магометанстве?

Князя соблазняли гаремные радости, но в запрете на спиртное и еще в одном небольшом обряде князь усмотрел урезание человеческих прав.

«Вот так урежут и выпить не дадут!» – с горечью думал князь.

И в этот самый момент к нему явились хазарские евреи.

– Великий князь, – сказали хазарские евреи, – если вы не можете выбрать между христианством и магометанством, может быть, вас устроит иудейская религия?

Князь Владимир невесело усмехнулся. Здесь было то же урезание прав, но уже без гаремных радостей.

Делать было нечего. Пришлось принимать христианство.

Еще одно слово о полку Игореве

Князь Игорь был наполовину половец, но предпочитал об этом не распространяться и во всех документах писался русским. А хан Кончак был наполовину русский и тоже об этом помалкивал. Сколько они пролили крови, не разобравшись, у кого какая кровь!

Повернувшись друг к другу половецкими сторонами, князь Игорь и хан Кончак ходили вместе на русского князя Всеволода Большое Гнездо. А повернувшись друг к другу русскими сторонами, они ходили вместе на печенегов.

И надо же было случиться так, что в какой-то момент они повернулись друг к другу разными сторонами. И князь Игорь подумал: «Этот половец мне не друг!». А Кончак подумал: «А Игорь-то, оказывается, русский!».

И началась между ними война, та самая война, о которой так хорошо написано в «Слове о полку Игореве».

Попав к половцам в плен, Игорь из княжеской гордости повернулся к ним русской своей стороной, но хан Кончак зашел с другой стороны и просватал за его сына свою дочь. А другие половцы, повернувшись к пленному русскими сторонами, помогли ему бежать из плена половецкого.

Все-таки разносторонность – хорошая вещь, она заставляет человека в жизни поворачиваться.

Сын князя Игоря женился на дочери Кончака, и в семье у него родилось столько половцев, что хоть из дому беги. Но если поворачиваться, можно не бежать, можно построить замечательное семейное счастье.

Анекдоты о Чингисхане

Родители Чингисхана

Преступления, связанные с именем Чингисхана, начались задолго до его рождения. Для того, чтоб родить Чингисхана, его отец украл чужую жену.

Он не увел ее тайком и не добыл в открытой схватке. Он из кустов подсмотрел, какая она красивая, потихоньку поехал за подкреплением и, напав на ее мужа целым отрядом, отбил у него жену.

Но, видно, любовь ее осталась с другим человеком, и сыну своему, будущему Чингисхану, она могла передать только ненависть. И от этой ненависти много смертей родилось и умерло множество жизней.

Закон гостеприимства

Ехал отец Чингисхана по жаркой степи, и захотелось ему пить. А на пути только враждебный татарский улус, где он незванный гость для любого татарина.

Татары ненавидели этого монгола, но ничего не поделаешь – закон гостеприимства.

Следуя закону гостеприимства, татары налили проезжему человеку ведро воды, но сделали уступку и ненависти: сыпнули в ведро отраву.

Так остался Чингисхан сиротой. Нельзя злоупотреблять законом гостеприимства.

Рыцарь со страхом и упреком

На покоренных землях Чингисхан старался не оставлять никого в живых. Чтобы никто под его властью не мог поднять голову, считал он, головы должны быть отдельно, а люди отдельно.

Потому что он боялся живых людей. С мертвыми ему было спокойнее.

Десятитысячная гвардия окружала юрту Чингисхана, охраняя его от живых людей. И вся эта гвардия была умерщвлена на его могиле, чтоб его и на том свете было кому охранять.

Государственная деятельность Чингисхана

«Аккуратность – вежливость королей» – это сказано не о Чингисхане. Не довольствуясь тем, что монголы не умываются, не купаются и вообще стараются не прикасаться к воде, почему-то опасаясь, что их убьет молния, Чингисхан издал указ, запрещающий его народу стирать одежду и мыть посуду. Одежду следовало носить, пока она не сгниет, а посуду просто вытирать травой или коровьим пометом.

Собирание русских земель в единое татаро-монгольское государство

Великий князь Московский Иван Данилович Калита ходил с сумой по свету, но не побирался, а наоборот, деньги раздавал, потому что в те времена, чтобы делать дела, нужно было постоянно кому-то совать в лапу. Так он ходил и совал, ходил и совал, собирая русские земли в единое пока еще татаро-монгольское государство.

Повелителем всея Руси в то время был хан Узбек. Не по национальности узбек, а по имени. И такой это был выдающийся хан, что его именем называли целую национальность.

В России в то время только хан был всея Руси, а русские князья – каждый своего отдельного, или, как их называли, удельного княжества. И распределял эти княжества между князьями хан Узбек. Вот почему ему приходилось и в лапу совать, и доносить на своих родных и близких, чтобы им не досталось княжество. Поедешь в орду, настучишь на князя Владимирского, присоединишь к Москве Владимир. Настучишь на князя Тверского – присоединишь Тверь.

Замечательный был князь Александр Тверской, добрейшая, честнейшая душа, а что делать? Нужно же русские земли в единое государство собирать. Пусть пока не русское, а татаро-монгольское, но это ничего. Тем более что татаро-монголы тоже народ не чужой, они внесли свой вклад в

будущую историю России. Например, друг Ивана Калиты татарский мурза Чет внес огромный вклад в лице самого царя Бориса Федоровича Годунова, который был прямым потомком мурзы, что сказалось на его государственной деятельности.

Если б не татаро-монголы, неизвестно, удалось ли бы собрать русские земли в единое государство. Тут нужно было татаро-монгольское иго, чтобы собрать сначала все земли под игом, а потом сбросить иго – и вот она, навеки сплоченная единая великая Русь. Плохо только, что иго сбросить никак не удастся. Татаро-монголов сбросим, это да, но иго-то, иго – оно останется!

Темные люди

Борьба за власть ослепляет человека. Достаточно вспомнить русских князей Василия Косого, Шемяку и великого князя Василия. Косой и Шемяка хотели отобрать у великого князя его великое княжество, и началась у них великая междоусобная война. Поймал однажды великий князь Василий Косого и говорит:

– Глаза бы твои меня не видели.

Ну, и приказал выколоть двоюродному брату глаза.

Был Косой косым, а стал вдобавок слепым. Или, как тогда выражались, темным. Но это еще был не тот Василий Темный, которого мы знаем из истории, тот Василий Темный

еще впереди.

Как говорят римляне, подобное излечивается подобным. Поймал Шемяка великого князя и говорит:

– Глаза бы твои меня не видели.

Одним словом, око за око. Выкололи великому князю глаза, и стал он Василием Темным, украсившим этим именем страницы истории.

Василий Темный правил страной хорошо: после того, как вокруг него стало темно, в голове его вроде бы просветлело.

И сразу кончилась великая междоусобная война. И жизнь началась спокойная, мирная, замечательная жизнь, – если, конечно, не считать, что под татаро-монгольским игом.

Дружба, скрепленная кровью

Варяги и татаро-монголы встретились посреди могучей и славной державы и выпили за дружбу народов, которые сплотила навеки великая Русь.

Летопись

Рукописные, рукописные... И когда это все написать, чтоб узнали далекие присные то, что ближним не велено знать?

Зря ты, Пимен, ушел в писатели, грозный царь на расправу крут. И ко времени ли, и кстати ли этот Богом завещанный труд о вещах, от которых бы спрятаться, о которых бы

лучше молчать?

Ох, не скоро тебе печататься – ведь когда еще будет печатать!

И когда еще будут издания и читатели этих книг...

Но сказанья идут за сказаньями... И последнего – нет среди них.

Цена свободы

Каструччо Кастракани вышел из Пизы, взял по дороге Пистойю и находился на пути к свободной Флоренции. Свободная Флоренция решила выслать ему навстречу войско под командованием доблестного капитана Раймондо ди Кардоны, но этот главнокомандующий не спешил выступать в поход, а завел долгий и утомительный спор о дополнительных полномочиях. Он считал, что нельзя отделять военную власть от гражданской, что прежде чем воевать, нужно ввести чрезвычайно военное положение, ограничить свободу высказываний, чтобы все молчали и слушали команду.

Пока шли эти споры, Каструччо Кастракани в боях набирался сил, и, когда капитана наконец раскачали на военные действия, Каструччо наголову его разгромил, а свободный город подверг позору и разграблению.

Такова была цена свободы. Но за свободу и не может быть низкой цены.

После того, как победоносный Каструччо Кастракани

проследовал по дороге войны, флорентийцы возобновили спор, как им дальше защитить свободу и независимость. На доблестного капитана надежда была слаба: защитник Флоренции либо отсиживался где-то в плену, либо отлеживался где-то в могиле. Поэтому было решено пригласить из Неаполя своего человека, славного герцога Карла Калабрийского, чтобы он возглавил флорентийские войска, когда Каструччо на обратном пути снова вздумает напасть на Флоренцию.

Карл Калабрийский прибыл с огромной свитой соратников и единомышленников, которые, даже не отдохнув с дороги, пошли грабить все, что попадалось им под руку. Видя, что друзья свободы намного превосходят даже врагов свободы, партия Каструччо Кастракани подняла голову и стала высказывать в парламенте мнение, что при Каструччо Кастракани грабили все же не так, и что нужно призвать его обратно, чтобы он своим умеренным грабежом и позором защитил Флоренцию от повального позора и разграбления.

Но целых два года Каструччо не появлялся. И целых два года свободная Флоренция томилась под властью защитников свободы. А когда наконец пронесся долгожданный слух, что Каструччо Кастракани держит путь на Флоренцию, защитник города Карл Калабрийский со своей уголовной свитой и награбленным добром быстренько улизнул в свой Неаполь.

Но Каструччо Кастракани так и не прибыл во Флоренцию. Он погиб по дороге в каком-то справедливом бою. Флорен-

тийцы очень горевали: кто защитит свободу Флоренции от Карла Калабрийского? И кто защитит ее свободу, если вдруг вернется доблестный Раймондо ди Кардона, который так и не получил своих дополнительных полномочий?

Теперь флорентийцы поняли: за свободу нужно очень много платить. Хотя свобода каждому по душе, но она далеко не каждому по карману.

Французские Карлы

Отгремели времена Карла Великого, тихо канули годы Карла Лысого, Карла Толстого, Карла Простого...

А вот и Карл Мудрый готовится сесть на престол, но ему мешают. Мудрым всегда мешают. И тогда ему на помощь приходит Карл Злой.

Когда мудрость вступает в союз со злом, это кончается безумием. Так оно и случилось: после Карла Мудрого на французском престоле воцарился его сын – Карл Безумный.

Шутки при московском дворе

До чего наши шутки похожи на правду! Посадить их рядом – ну прямо как две сестры. И каждая может довести до слез, хотя слезы при этом разные.

Кто-то при дворе пустил слух, будто Иван Третий, великий князь, собирается засадить брата Андрея в темницу. Ан-

дрей кинулся к брату, а тот и знать ничего не знает. Опомнись, говорит, Андрюша, приди в себя, как я могу засадить родного брата в темницу?

Стали выяснять, откуда такие сведения. Пошли по цепочке и вышли на Татищева, слугу великого князя. А куда цепочка от Татищева? А никуда. Это он просто так пошутил, чтоб было смешнее.

За такие шутки положено вырезать язык, но великий князь опасался, как бы при дворе не подумали, будто он не понимает шуток. И дал команду язык Татищеву не вырезать, а просто посоветовать держать его за зубами.

Однако ему не давало покоя: с чего это Татищев так пошутил? На какое-то время забудет, а потом опять ударит топором в голову: ну что за дурацкая шутка? Вроде и не шутка. Уж больно серьезная.

И в одну прекрасную ночь за князем Андреем пришли, заковали в цепи, бросили в подземелье крепости. Шутка, выходит, оказалась правдой.

Заточили князя Андрея на вечные времена, но из всей этой вечности он прожил только полтора года. Великий князь очень убивался. Он ведь был человек добрый, да и шутки отлично понимал. Одного не мог понять: почему они так похожи на правду?

Ну прямо как сестры. Посадишь рядом – не различишь. Потому они и сидят рядом. И в темницах, и в застенках, и в каторжных лагерях – всюду шутка сидит рядом с правдой.

Битва на реке Угре

Очень Москве не терпелось иметь в князьях Ивана Грозного. Поэтому еще до Ивана Четвертого Грозным стали называть его деда, Ивана Третьего – тоже Васильевича, но не того, от которого вся Русь в обмороке лежала.

Иван Васильевич Третий был не очень грозный по характеру, и ему все время напоминали:

– Да будь же ты грозней, будь грозней!

Но однажды и его довели. До того довели, что он изломал и истоптал портрет самого Ахмета, великого хана всея Руси, и при этом заявил, что поступит так и с Ахметом, если он не уберется из нашего отечества. Потом поостыл, конечно, попросил извинения, но тут Ахмет вовсю разгорячился. Поднял свою орду, пошел войной на Ивана Третьего. Видно, не считал его таким уж грозным.

Сошлись на реке Угре. На левом берегу наше войско, а на правом татарская рать. Надо бы наступать, но никому не хочется. Татары ищут причин, чтоб не форсировать речку, наши применяют будущую кутузовскую тактику: ждут, когда противнику надоест и он сам по себе уберется восвояси.

Переругиваются через речку, благо она узенькая. Вот погодите, мол, ударят морозы, мы на этой речке устроим вам Чудское озеро. А татары отвечают: ждите нашествия с минуты на минуту.

Зима наступила. Замерзла Угра-река. Вот теперь можно повоевать на льду, но никому не хочется.

Наши даже отступили, чтоб укрепить тылы. А потом отступили еще – чтоб тылы тылов были прочнее.

Татары подумали, что это какая-то военная хитрость, и бросились бежать. Наши, увидев, что татары бегут, решили, что это у них такая наступательная тактика, и тоже побежали. Татары еще больше припустили, увидев, что наши бегут. Так быстро бежали, что убежали с нашей земли, и на этом кончилось татаро-монгольское иго.

Ягеллончик

Быть выдающимся деятелем вовсе не означает что-то делать. Когда к польскому королю Казимиру Ягеллончику обратились новгородцы за поддержкой против Москвы, Ягеллончик не отказал, но при этом не ударил пальцем о палец.

И этим способствовал воссоединению Новгорода и Москвы в единое государство.

И когда тверичи обратились к Ягеллончику за поддержкой против Москвы, Ягеллончик тоже не отказал, но при этом не ударил пальцем о палец.

Чем способствовал воссоединению Твери и Москвы в единое государство.

Так кто же способствовал объединению русских земель в единое великое государство?

Ягеллончик. И он же помог освобождению этого великого государства от татаро-монгольского ига. Потому что когда татары обратились к Ягеллончику за поддержкой против Москвы, что сделал Ягеллончик?

Вот именно. Он не отказал, но при этом не ударил пальцем о палец.

1492 год

Когда евреев изгоняли из Испании, очень кстати подвернулся Колумб, который не замедлил открыть Америку, найдя наилучшее решение еврейского вопроса.

К вопросу о еврейском вопросе

Еврейский вопрос есть всюду, где есть евреи, потому что надо же кому-то нести ответ. А кому хочется нести ответ? Поэтому евреи на вопрос отвечают вопросом.

Родина Колумба

Было время, когда страны не спорили из-за Колумба. Где он родился, где женился, это им было все равно. Италия охотно уступала его Португалии, Португалия – Испании, а Франция и вовсе понятия о нем не имела.

Потому что Колумб тогда был живой, а живые не пользу-

ются таким уважением. Весь почет принадлежит цивилизации мертвых.

Если б мертвые могли обойтись без живых, какая б у них была замечательная цивилизация! Ничего житейского, мелкого, суетного, что отвлекает живых от великих дел, — одни эпохальные дела, бессмертные свершения.

Но мертвым для их бессмертия нужны живые. Чтобы их заслуги посмертно признавать. Не было б на земле живых, кто сегодня спорил бы о праве быть родиной Колумба?

А так — спорят. Италия с Португалией, Испания с Францией. Даже Америка, которую он открыл, и та выдвинула собственную гипотезу. Дескать, Колумб сначала родился в Америке, потом из нее уехал, а уже потом вернулся и ее открыл.

Одна Россия не претендует на то, чтоб быть родиной Колумба. Россия не знает, куда своих колумбов девать: то ли их сажать, то ли выдворять, чтобы уже потом вести спор о праве быть родиной своих колумбов.

Воспитание доброго царя

В летописи грозного времени, лишь недавно извлеченной из секретных архивов, дрожащей рукой летописца написаны такие слова:

«Иван Грозный, прозванный за жестокость Васильевичем (зачеркнуто), Иван Васильевич, прозванный за жестокость Грозным, был в детстве добрым, ласковым, послушным ре-

бенком. Его папа Василий Иванович и мама Елена Васильевна, ведшая свой род от хана Мамай (в ужасе зачеркнуто), мечтали, чтобы сын их вырос добрым царем, или, как они выражались, великим князем.

Чтобы воспитать в маленьком Ване доброту, его окружили различными животными: собаками, кошками, медведями (последнее зачеркнуто), а также придворными людьми, которым доверили его воспитание. Уж лучше бы его воспитание доверили медведям (зачеркнуто), собакам (зачеркнуто), кошкам (зачеркнуто), кому-нибудь другому. Потому что придворные люди рассказывали ребенку разные пакости, вместо сказок и наставлений, как жить, он слышал от них только сплетни и наговоры друг на друга».

Дальше из-за дрожания руки летописца – то ли от страха, то ли от возмущения – на трех страницах ничего нельзя разобрать.

В трехлетнем возрасте Иван Васильевич лишился Василия Ивановича, и его мама Елена Васильевна не могла уделять ему прежнего внимания, тем более что очень большую часть своего внимания она должна была уделять сожителю (зачеркнуто), любовнику (зачеркнуто), фавориту Овчине-Телепневу-Оболенскому. И даже то, что трехлетнего Ваню короновали, не прибавило ему материнского внимания.

Вскоре он потерял и мать, потерял Овчину-Телепнева-Оболенского и, не оправдав их надежды вырасти добрым царем, стал царем, не успев не только стать добрым, но даже

не успев вырасти.

Такая ранняя коронация вредна для ребенка. Немудрено, что маленький Ваня стал мучить кошек, собак, медведей (последнее зачеркнуто, впрочем, весьма неуверенно), хотя уж они-то ничем перед ним не провинились. Юный царь рос в обстановке вседозволенности, всеобщего угождения и подхалимства. На словах придворные относились к нему как к царю, а на деле использовали его, как ребенка. Его называли отцом народов, хотя по возрасту он мог бы быть сыном и даже внуком, а если считать Мамаю (в ужасе зачеркнуто), то даже далеким правнуком.

Придворные забыли, что воспитывают доброго царя, и на- травливали его, науськивали один на другого, натаскивали на людей, как собак натаскивают на диких животных, и он, уже имея вкус к мучительству животных, постепенно вошел во вкус и этого мучительства.

А потом, когда он стал ходить войной на собственные города, как ходил его татарский предок (зачеркнуто), когда стал жечь (зачеркнуто), крушить (зачеркнуто), казнить (зачеркнуто), мордовать (зачеркнуто), душегубствовать (зачеркнуто), все удивились: какой недобрый царь! Его воспитывали добрым, а он вырос недобрый. Как же это такое произошло?

Дальше на двух страницах ничего нельзя было разобрать из-за дрожания руки летописца, а еще на четырех зачеркнуто архивной цензурой. И заканчивалась летопись так:

«Может быть, он боялся (зачеркнуто), страшился (зачеркнуто), трусил (зачеркнуто), опасался (зачеркнуто и снова дописано), что с ним поступят так же, как он поступал с животными и с людьми. И поэтому старался так запугать свой народ, чтобы можно было самому не бояться. (Последняя фраза зачеркнута)».

Вечные Средние века

– Боже правый, пронеси в этот час недобрый!.. Мы привыкли на Руси мыслить местом Лобным.

Анекдоты про Ивана Грозного

Иван Грозный уезжает в деревню

Узнал государь о недовольстве им некоторых слоев населения.

– Ах, вы так, – говорит. – Вы такие нежные, что вас уже нельзя и повесить? Нельзя посадить на кол, четвертовать? В таком случае живите без меня, я уйду в отставку.

Уехал в деревню, живет, давит мух. Мухи, между прочим, тоже недовольны.

А вокруг страна голосит:

– Соколик ты наш! Милостивец! Убийец! На кого ж ты нас покинул, отец родной?

Уже и Малюта не выдержал:

– Ты что ж это, государь, с народом делаешь? Такой бессердечности я от тебя не ожидал.

Стыдно стало Ивану Васильевичу.

– Ладно, – говорит, – Малюта. Бери топор, пошли домой. Затрещали кости, покатались головы. Содрогнулся народ.
– Наконец-то наш батюшка вернулся!

Иван Грозный ищет политическое убежище

Что-то боязно стало царю в своей державе. Тут такое творится! Людей четвертуют, на кол сажают, живыми жгут. То ли дело Англия, цивилизованная страна. Вот где настоящее уважение к человеку!

И передал царь Иван английской королеве через ее посла: так, мол, и так, страна дикая, варварская, нет никакой возможности править. А посему нижайше прошу политическое убежища.

Сел в карету, отъехал метров двадцать в направлении Англии, а тут навстречу Малюта. То ли из Англии, то ли еще откуда.

– Ты что ж это, государь? Опять куда-то намылился? А о народе подумал?

Подумал царь о народе и говорит:

– Ладно, Малюта, будь по-твоему. Бери топор, пошли домой.

– То-то, – говорит Малюта. – Тут работы выше головы. И не одной головы: вон их сколько – просто руки опускаются!

Иван Грозный женится при живой жене

На старости лет захотелось царю Ивану жениться. Правда, он в то время был женат. Жена у него была Мария Нагая, но это его не устраивало. Мне, говорит, эти нагие и босые уже вон где сидят. И что это за страна – одни нагие и босые!

Приглядел невесту в Англии. Правда, не сам глядел, ему лейб-медик, англичанин, о ней рассказывал. Есть, говорит, в Англии принцесса королевских кровей. Невыносимо красивая. Тоже сначала Мария, но дальше уже не так. Дальше Гастингс. Мария Гастингс. Тоже, может, нагая, но по-английски, а это, может, даже лучше, чем по-нашему.

Послал царь своего человека к королеве Елизавете с предложением.

Елизавета говорит: черт-те что. Никак этот московский царь не уgomонится: то ему подавай убежище, то английскую жену.

А принцесса Гастингс не хочет за русского царя. Во-первых, говорит, он женатый, а во-вторых, характер у него неустойчивый. Посадит на кол, а ей сидеть.

И велела английская королева вместо принцессы показать посланцу царя какую-нибудь выдру. Не настоящую выдру, а девицу примерно такой внешности. Как увидел посланец эту образину, так до самой Москвы бежал, даже моря под ногами не заметил.

Описал царю английскую принцессу своими словами. Та-

кая выдра, говорит.

Тут лейб-медика английского, конечно, в застенок. Показали ему, что такое настоящая болезнь. От этой болезни он уже не оправился.

А царь остался с прежней супругой. С Марией Нагой. По-английски, может, и Гастингс, но царь теперь и про Гастингсов слышать не хотел. Такие выдры эти англичане!

1564 год

В Европе умер Микеланджело, родились Шекспир и Галилей...

А в России – первая волна эмиграции. У князя Курбского оказалась легкая рука, в данном случае – легкая нога, и после него, как на море в бурю, покатались волны русской эмиграции...

Но и там, в чужой земле, они любили родную землю.

Есть такие земли, которые легче всего любить в чужой земле.

Русская история в творчестве Вильяма Шекспира

После шумного успеха «Ромео и Джульетты» Шекспиру захотелось написать еще какую-нибудь трагедию на современную тему. Но в Англии был золотой век Елизаветы, ни-

каких трагических тем, поэтому Шекспир потихоньку писал комедии.

Однажды он встретился с приятелем, который только что вернулся из Москвы. Там, оказывается, смутное время, на престол взошел царь Борис. Коварный человек. Сначала выдал свою сестру за будущего царя Федора, а при Федоре совершенно забрал в свои руки власть, да еще убил маленького царевича, брата царя, чтоб устранить законного наследника престола. Но что самое интересное, этот убиенный царевич Дмитрий ровно через десять лет после убийства объявился живым в соседнем Польском королевстве.

– Призрак, что ли? – удивился Шекспир.

– Да нет, не призрак, вполне живой человек. Одни говорят – настоящий царевич Дмитрий, другие считают, что подставной, называют Лжедмитрием.

– Призрак – это интересно, – задумчиво произнес Шекспир. – Но, конечно, главный герой не может быть призраком. Пусть бы это был отец царевича. Отца убили, а призрак просит сына отомстить за его смерть. И убийца пусть будет женат на вдове убитого, вот тогда все встанет на место.

Только в воображении такого гения, как Шекспир, все могло встать на место в русской истории.

– Хорошо бы действие перенести в другую страну, с Россией у нас сложные отношения, – предостерег приятель.

– И перенесем! Дания подходит? Тоже северная страна, только размером поменьше. Но ведь размеры проблем не

определяются размерами территории.

Удачная получилась трагедия. «Гамлет, принц Датский». О том, что принц именно датский, а не какой-то другой, было сказано прямо в названии, чтоб у России не возникло никаких подозрений.

После шумного успеха «Гамлета» захотелось написать еще что-нибудь на русскую тему. У них там смутное время, а писать некому. Да и условия для литературы неподходящие: единственного первопечатника так затравили, что он пришел в себя только за границей.

И тут поступает из России известие: царевич Дмитрий с польским войском идет на Москву, а с ним польская принцесса красоты невиданной. Хотя многие говорили, что Дмитрий не настоящий царевич, что он низкого, или, как у них говорят, черного происхождения, но принцесса его полюбила. Что значит черное происхождение, если у человека светлая душа?

Однако в чем тогда трагедия? Ведь это должна быть трагедия. Может быть, принцесса задушит царевича, не сумев примириться с его происхождением? Но как она его задушит? Она же слабая женщина. Тогда пусть он ее задушит. У него комплекс неполноценности на почве происхождения, и он начинает сомневаться в ее любви...

Трагедия получилась – «Отелло». И на титуле было написано, что действие происходит в Венеции, чтоб никто не подумал, будто в России.

Когда царевич Дмитрий стал русским царем, Шекспир о нем писать не стал, потому что не видел в этом трагедии. Он вернулся к его покойному брату, царю Федору, который был настолько добросердечен, что отдал царство своей родне. Конечно, в трагедии Шекспир кое-что изменил, чтоб в России не узнали свою историю. Да и само название было совершенно не русское: «Король Лир». В России нет королей, а под фамилией Лир одни только немцы и евреи.

Последнюю трагедию на русскую тему Шекспир писал в самый разгар смутного времени. Лжедмитрия убили, а на престол взошел его бывший друг Василий Шуйский, который отрекся от него, как это в таких случаях делается. Повторился в какой-то мере сюжет «Гамлета», но в еще более страшном варианте. Шуйский со своей женой Шуйской постоянно предавали своих друзей, и Шекспир написал свою самую кровавую трагедию, в которой вывел сразу несколько призраков, да еще вдобавок несколько ведьм, чтобы окончательно разобраться с этой чертовщиной.

Трагедию он назвал «Макбет», и она тоже имела успех. Хотя в самой России до успеха было еще далеко, поскольку не предвиделось конца смутному времени.

Лже-Петр, самый первый

Он стал Петром задолго до Петра, он, словно месяц, вышел из тумана...

Была глухая, смутная пора, испуганная временем Ивана.

Как из былин, он вырос из былья, поднялся на опасную ступеньку. Он был, по сути, Муромец Илья, но назывался сдержанно: Илейка.

Он позабыл фамилию свою и отчий дом, и Муром свой покинул. Ну кто поверит в Муромца Илью? Ведь жизнь — она не сказка, не былина.

Он имя взял царевича Петра, но взял его, должно быть, слишком рано. Была глухая, смутная пора, испуганная временем Ивана.

Когда еще о нем узнает мир? История плетется помаленьку... Но в Англии уже творил Шекспир, когда казнили Муромца Илейку.

История, былинная страна, пройдут века и новые настанут...

Но будут долго длиться времена, испуганные временем Ивана.

Посмертное приглашение Данте Алигьери вернуться на родину

Политические страсти устарели.

Поэтические остаются в силе.

Возвращайся, Данте Алигьери, мы тебя давным-давно простили!

Мы тебя неправильно изгнали, пусть бы оставался ты со

всеми. Это мы сегодня осознали, но учти – какое было время!

Гении расплачивались кровью, и кого за них призвать к ответу? Одолело нас средневековье, затравили мы своих поэтов. Сколько их, талантливых и ярких, заклеить народ поторопился! Был бы у Флоренции Петрарка, но и он в изгнании родился.

Мы отменим твой позорный выезд, все твои скитанья и мученья. Ты ж у нас почетный флорентиец, основоположник Возрожденья! На твоих ботинках много пыли, мир велик, но ты у нас родился. Мы с тобой ужасно поступили, но сегодня мы тобой гордимся.

Отмечаем даты, годовщины. Жаль одно – что наши ротоzeи превратили Дантов дом в руины, а не сохранили для музея.

Посмотри, как годы пролетели, но тебя они совсем не старят. Ты такой, как был на самом деле, – самый лучший флорентийский парень.

Ни к чему печалиться о давнем. Вспомни, кто ты есть, откуда вышел! Ты стоишь у нас сегодня в камне, только вот стихов уже не пишешь.

А писал ведь. Как писал ты прежде! Был поэт от Бога, настоящий! Вспомни, как сказал ты о надежде: мол, оставь ее, сюда входящий.

Пусть же торжествует справедливость, пусть в нее Флоренция поверит!

Возвращайся, славный флорентиец! Возвращайся, Данте Алигьери!

Заметки на полях средневековья

* * *

Постоянство византийского императора Константина было присуще и его сыновьям – Константину, Константу и Констанцию (константный – значит постоянный).

* * *

Карла Великого даже смерть не могла уложить в постель, и его похоронили сидящим на троне, в полном императорском облачении и с мечом в руке.

* * *

В Средние века университеты иногда открывались для борьбы со свободомыслием. Это важный признак: если университет борется со свободомыслием, значит, наступило средневековье.

* * *

Четырнадцатый век знаменит расцветом творческой деятельности Петрарки, Бокаччо и хана Мамай.

* * *

Начинается с того, что живые шагают по трупам, а кончается тем, что мертвые шагают по живым.

* * *

Нимбы носят вокруг головы, а петли – вокруг шеи.

Раздел четвертый

Анекдотическая новая история

*Факты – солдаты истории: они всегда
подчиняются генералам.*

Анек Дот, наследник Геро Дота

Пенсионеры Средневековья

Кончилось средневековье, начались новые времена. Старенький отец-инквизитор вышел на пенсию, ходит в парк, где собираются такие же старички-пенсионеры. Сидят, вспоминают прежние времена.

– Помните того чудака? – вспоминает отец-инквизитор. – Ну, того, что сказал, что она вертится?

– Кто вертится? Жена его, что ли?

Отец-инквизитор напрягает память:

– Да нет, вроде не жена.

– Может, дочка?

– Может, и дочка... Я хорошо помню, как он сказал. А все-таки, говорит, она вертится.

– Хорошенькая? – оживляются старички.

– Может, и хорошенькая. Они же так вертятся, что лица не разглядишь. – Отец-инквизитор помолчал, вспоминая. –

У этого чудака, кроме дочки, был еще сын. Такой способный мальчишка. Ему доверили быть при отце осведомителем – все-таки следит и доносит не чужой человек. Отец, бывало, слова не успеет сказать, как оно уже известно органам инквизиции.

Кто-то вспомнил о феноменальном ребенке, который засадил в тюрьму родителей, а потом всю жизнь носил от них передачи. Не им носил передачи, а от них носил передачи, потому что был у них любимый и единственный сын. Так и жил всю жизнь на передачах, нигде не работая...

Все вздыхают: да, дети сегодня уже не те. И родители сегодня уже не те. Э, да что вспоминать! Давайте лучше играть в стукалочку!

Все опять оживляются. Стукалочка – замечательная игра. Ставки, правда, небольшие, но какие ставки при нашей пенсии!

Старики вздыхают: пенсии, конечно, не те. Такие маленькие пенсии – за такое большое средневековье!

Письмо солдата Тридцатилетней войны другу-однополчанину

Дружище Ганс!

После Вестфальского мира ты со своим Эльзасом отошел к Франции, Карл со своей Померанией – к Швеции, а я остался в Германии, и нам в Германии хуже всего. Франция и

Швеция потопталась на нашей земле, отхватили по куску и убрались восвояси, а мы остались жить на поле боя. Разве можно жить на поле боя? На поле боя можно только умереть, что, кстати, естественно в нашем возрасте.

Хуже всего, что в стране разрушена экономика. Пала наша экономика на поле боя, и теперь, хотя наступили мирные времена, наши экономисты попытались ввести шоковую экономику Валленштейна.

Помнишь Валленштейна? Он у нас был главнокомандующим. И он придумал: чтоб не платить армии из казны зарплату, каждый сам себе добывает зарплату в бою. Сколько ухватил, столько и заработал.

Теперь у нас каждый месяц на три дня город отдается жителям на разграбление. Некоторые неплохо зарабатывают, даже лучше, чем зарабатывали на войне. Причем не придерживаются трех дней, а грабят систематически в течение месяца.

Пошли и мы со старухой. Встали пораньше, чтоб быть первыми. В один дом зашли – нас побили. В другой – опять побили. Да еще и ограбили – отобрали все, что было при нас.

Вернулись мы домой, избитые, ограбленные, а в доме пусто, ничего нет. Все разграбили, пока мы ходили: город-то отдан на разграбление! Вот она, шоковая экономика. Тем, которые грабят, конечно, хорошо, а каково тем, которых грабят?

Спасибо, магистрат позаботился о нас, ветеранах. Ввел

для нас специальный ветеранский день. Мы со старухой опять встали пораньше, чтоб быть первыми. Приходим в один дом, начинаем грабить, а хозяева не дают. Мы объясняем: сегодня же ветеранский день, сегодня весь город отдан ветеранам на разграбление, а они ничего не хотят слушать. Побили нас со старухой, тачку отняли. Хорошая, говорят, тачка, в хозяйстве пригодится.

И это называется экономика? На войне это была экономика, потому что мы были молодые и при оружии, а здесь – ну что мы можем со старухой?

Некоторые у нас эмигрируют в Россию. Очень, говорят, богатая и культурная страна. Там никому и в голову не придет вводить в стране шоковую экономику. Вот мы со старухой и думаем: не податься ли и нам в Россию? Там жизнь спокойная, сытая, не нужно никого грабить, драться за кусок. И народ там добрый, работающий, отзывчивый – ну точь-в-точь, как мы были до нашей войны.

Как ты, Ганс, посоветуешь? Напиши. А мы со старухой будем пока собираться.

Твой боевой товарищ Отто.

Только что я услышал, что в Англии отрубили голову ихнему королю. Наверно, лучше, чем тридцать лет воевать, сразу отрубить голову самому главному.

Вопросы Петру Первому

– Петр Алексеевич, прежде всего ответьте на вопрос: почему после вас ни один Петр в России не прижился? Петр Второй умер в детстве, Петра Третьего убили через год после воцарения...

– После Ивана Грозного Иваны в России тоже не прижились. Сына Ивана он собственноручно убил, а своих незаконных детей просто душил в колыбели, чтоб закон торжествовал.

– В России закон всегда торжествовал, но царило беззаконие. Чем вы это можете объяснить?

– Либо торжествовать, либо работать.

– Очень точно сказано. И еще такой вопрос. В России все царицы правили только в XVIII веке. Не потому ли, что в начале века царем был настоящий мужчина, который уступил место женщине?

– Мне не хотелось бы отвечать на этот вопрос.

– Скромность вас украшает, Петр Алексеевич. Но однако признайтесь: как настоящий мужчина, вы всегда любили женщин больше, чем детей.

– Что вы имеете в виду?

– Наш великий ученый Михайла Васильевич Ломоносов очень на вас похож. И лицом, и статью, и талантом, и характером. И так совпало, что незадолго до его рождения вы как

раз были проездом в Холмогорах. Как вы объясните это совпадение?

– Мне не хотелось бы отвечать на этот вопрос.

– Опять эта скромность, прежде вам не присущая! Кстати, когда вы сами себя назвали Петром Великим, кое-кто говорил, что вы от скромности не умрете.

– Они были правы: я умер не от скромности.

– И последний вопрос: чем вы объясните, что Иван Грозный, который вовсе не был великим царем, славой едва ли не превзошел вас?

– В России всегда грозные имели больший вес, чем великие.

Завещание Петра

За гранью вечного покоя кто будет проклят, кто спасен? Уже слабеющей рукою Петр написал: «Отдайте все...» Кому отдать? И что отдать? И что вообще сказать хотел он? По эту сторону предела – молчания не разгадать. Так завершился ход событий, последним вздохом унесен. В начале жизни: «Все возьмите», а под конец – «Отдайте все...»

После потопа

– Ах, ваше величество, после вас хоть потоп! – горячо шептала маркиза Помпадур в объятиях Людовика Пятнадцатого.

– После нас хоть потоп, – успокаивал Людовик Пятнадцатый своего министра финансов.

– В такой ситуации остается только потоп, – размышлял министр финансов перед пустой государственной казной.

Все они оказались правы: после Людовика Пятнадцатого наступил Великий французский потоп, отрубивший голову Людовику Шестнадцатому.

Человек, который придумал русскую историю

В свите Антона Ульриха принца Брауншвейгского, приехавшего в Россию с серьезными намерениями относительно племянницы русской императрицы, был молодой человек по имени Карл Фридрих Иероним барон Мюнхгаузен. Впоследствии он стал знаменит, много рассказывал и писал о России, а тогда был скромный и совершенно безвестный молодой человек, который, кстати, и сам был не прочь жениться на русской принцессе, хотя и не обязательно на русской, можно и на какой-то другой, но приехали-то они в Россию, так что особого выбора не было.

Правда, сейчас он не мог жениться, ему было только тринадцать лет, и он был на два года моложе принцессы. Но годы летят быстро, и со временем он может ее обогнать и стать старше лет на пять, а то и на восемь.

Чтоб поскорей вырасти, барон Мюнхгаузен поступил на

военную службу, брал Очаков в русско-турецкой войне. А может, и не брал. Может, там вообще не было никакой войны и никакого Очакова. Когда он потом об этом рассказывал, ему никто не хотел верить, потому что он привез с собой из России столько солдатских небылиц, что их уже невозможно было отделить от действительности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.